Оболтус для бизнес-леди

Автор:
Юлия Климова

Оболтус для бизнес-леди

Юлия Климова

История семьи Шурыгиных #2

Работа, работа и еще раз работа – вот жизненное кредо Ольги Шурыгиной. Любовь, наряды, развлечения – это для легкомысленных барышень, а не для чопорных бизнес-леди. И вдруг… Из туманного Альбиона возвращается повеса и оболтус Никита Замятин. Что может быть у них общего?

Ничего – уверена Ольга.

Всё – не сомневается Никита.

Чья возьмет?

Читайте – узнаете!

Юлия Климова

Оболтус для бизнес-леди

– Вижу на сердце тоску-печаль, знаю, знаю, что привело тебя ко мне, – донесся до Любы нарочито зловещий голос бабушки. – Любви хочешь… Любви сильной, всепоглощающей, что обрушится волной и унесет вдаль, подарит долгую, болезненную, но сладкую страсть, нескончаемый жар наслаждения и заполнит

душу до краев счастьем и величием… Говори, хочешь такой любви?!

Люба на цыпочках подошла к бордовой портьере и чуть отодвинула ее. За столом, напротив бабушки, сидел маленький лысоватый мужичок, сморщенный, точно урюк. На его лице читались безграничный страх и не менее безграничное желание немедленно заполучить все перечисленное в полном объеме, и, конечно, лучше сразу – одной большой порцией.

– Да! Хочу! – дернувшись, выпалил он и тут же, испугавшись собственной решимости, вжал голову в плечи.

– Ах, бабушка, бабушка… – прошептала Люба и улыбнулась.

Бабушка Рада, дожив до преклонных лет, до жестких седых волос, до бодрого непокоя, четыре года назад осуществила свою заветную мечту – открыла магический салон: с окнами, задернутыми черными жаккардовыми шторами, со стопками толстых пыльных книг на низких широких полках, с «волшебным» стеклянным шаром на тяжелой мраморной подставке густо-коричневого цвета, со свечами, источающими то медовый, то горьковатый, то травяной ароматы, с тусклыми лампами, амулетами, гадальными картами, бутылочками, баночками… Завораживающее и жуткое местечко, приносящее не только хороший доход, но и трепетное ощущение прикосновения к чему-то запретному, тайному… Правда, это ощущение по большей части доставалось посетителям салона – людям, с одной стороны, разным, а с другой – имеющим общее устремление.

Желание получить не только надежду, но и саму мечту (пусть и за деньги) толкало и умных, и глупых, и жадных, и щедрых, и добрых, и злых к массивной двери с красивой кружевной вывеской «Магический салон Рады». Кто-то пройдет мимо, кто-то задумается, а кто-то протянет руку и коснется холодной кованой ручки-кольца – заходи, мил человек, бойся и заходи, а уж тут тебе разложат судьбу по полочкам: и будущее предскажут, и от беды отведут, и присушат, кого нужно, и с карьерой помогут, и богатство пообещают небывалое. Пара пустяков!

– Говори! – приказала бабушка. Люба еще немного отодвинула портьеру.

Примерный сценарий дальнейших событий был известен: мужичок робко предъявит фотографию юной прелестницы, вскружившей ему голову, и потребует поспособствовать соединению сердец. Так, чтобы наверняка.

Накрепко. Чтобы не отвертелась и ни на кого больше даже не смотрела. А бабушка… А бабушка подумает: «Тьфу ты, пакостник». И «уведет в лесную чащу»: запутает, заморочит, запугает… Не терпит старая Рада «бессовестных дураков».

– Вот. – Мужичок оправдал ожидания: мгновенно вынул из внутреннего кармана мешковатого пиджака фотографию, ткнул пальцем и добавил: – Третья слева. Только не перепутайте, рядом Бочкина – она глупая и стерва к тому же.

– Не волнуйся. – Бабушка взяла фотографию, коротко глянула на жертву страсти и изумленно приподняла брови. – А лет-то девочке сколько?

– Восемнадцать с половиной. Светочка у нас опыта набирается… по знакомству пристроили… на время. А нельзя ли уже сегодня… результат сегодня… – Мужичок заволновался, заерзал на стуле и пригладил редкие волосы на затылке. – Очень я ее люблю и горю желанием сделать самой счастливой на свете.

Выражение бабушкиного лица Люба перевела безошибочно: «Пакостник и есть… а еще козел редкостный. Тебе-то самому сколько? Пятьдесят? Пятьдесят пять? Иди домой, пока я тебя к Бочкиной не присушила…»

Отпустив край портьеры, Люба вернулась в кресло, взяла с низкого столика несколько тетрадей и положила их на колени. Губы продолжали растягиваться в улыбку, в душе дрожали смешинки. Ах, бабушка, бабушка…

– Нельзя тебе с ней совместную жизнь обустраивать, – донесся серьезный и немного печальный голос. – Никак нельзя… Вижу, вижу беду неминучую, страдания и… тюрьму.

«Ну, это перебор», – усмехнулась про себя Люба.

– …все преграды Света обойдет, силу покажет, желания на свободу выпустит и потом, когда слаб будешь… – Зловещие ноты вновь задрожали и взметнулись вверх, – прижмет к груди другого… Смотри, смотри!

«Наверное, в ход пошла «тяжелая артиллерия» – шар и карты».

– Что?! – пискнул мужичок. – Где?!

– Смотри! Вот она, вот ты, а вот тот… другой!

– Нам не нужен другой! Уберите его, пожалуйста, совсем уберите! Светочка должна быть только моей!

– Невозможно, – отрезала бабушка и замолчала.

– Но вы же обещали! В объявлении было сказано о гарантиях! Пусть она меня полюбит! А на других и не смотрит! Это очень просто!

– Запомни мои слова: игры с судьбой простыми не бывают. Хочешь, Светочка будет твоей – но эта дорога приведет к бедам.

– Но гарантии… – уже неуверенно возразил мужичок. – Разве нельзя на всю жизнь?

– Нельзя. А гарантии, мил человек, у меня – это правда: как есть, так и говорю – это и есть самая верная гарантия. Ведь я и промолчать могла… взяла бы деньги и промолчала. Тебя бы устроило?

Люба представила бабушку: старая Рада сейчас наверняка прищурилась, подалась вперед и, несмотря на свою дородность, стала похожей на кобру, которая раздула капюшон и гипнотизирует взглядом.

– Нет, спасибо, – пискнул мужичок… – Но что же делать? Я люблю Светочку… неужели она может предпочесть другого?.. Я руководитель отдела, у меня машина и… Отличное древо, в конце концов!

«Что?» – изумилась Люба.

– Генеалогическое древо. В роду два графа, один офицер, один актер и балерина… Я имею право выбора!

– А вот это разумно предложить другой женщине, – строго ответила бабушка.

«Бочкиной», – мысленно подобрала Люба подходящую кандидатуру.

– Какой? Она молода? Нет, подождите, я не готов… я пришел за Светочкой, то есть… мы идеально подходим друг другу! Ей нужно только помочь понять свое счастье!

Мужичок резко умолк (видимо, наткнулся на бабушкин взгляд).

– На твоем пути уже появилась та самая женщина… уже пустил корни куст, приносящий сладкие плоды удовольствия… уже переплелись «да» и «нет»… уже подули ветра в нужную сторону… – Голос стал вязким, убаюкивающим и тут же дернулся звенящей струной (дзинь!): – Последний раз спрашиваю: хочешь любви?!

– Да, – еле слышно просипел мужичок.

«Точно, Бочкина», – кивнула Люба.

Она никогда не сомневалась в бабушкиных способностях и сама почти всегда остро чувствовала, где правда, а где ложь, где спектакль, а где таинство. Дар вместе с цыганской кровью переходил от одного поколения к другому, и оставалось только дать внутреннее согласие: да, я готова, я хочу знать и вершить. Нужно было открыть дверцу и шагнуть в иной мир – мир говорящих предметов, обрывков фраз, переплетающихся нитей судьбы. В мир королей, тузов, валетов, дам, головокружительного аромата свечей, пронизывающих время и пространство слов. И все: ты будешь видеть и знать то, что недосягаемо для других. Но Люба в душе согласия не давала, дверцу не открывала. Она предпочитала обыкновенную жизнь: в первой половине дня с удовольствием преподавала биологию в школе, а во второй – ухаживала за диковинными растениями в одной из оранжерей Ботанического сада. И частенько забегала к бабушке – к своей дорогой старой Раде, которая так или иначе возвращала к забытому и соединяла с собственной природой. Хорошо было в салоне – уютно, спокойно. И бурлила цыганская кровь, и долго потом мир казался особенно ярким.

– Наконец-то спровадила, – проворчала старая Рада, отдергивая портьеру. – Совсем мужики ополоумели, а главное, верят: протянешь гадалке фотографию – и в жизни все изменится, пойдет по их собственному плану. Любовь для них

сплошное «хочу – не хочу».

– Бочкина? – понимающе спросила Люба.

– Да, и никуда ему от нее не деться. Вспахала она его судьбу до камней, до глины… а он-то, дурак, счастья своего не понимает. Светочку ему подавай! Только тюрьмой их и пугаю, иначе от молодых никак не отвадить.

Люба звонко засмеялась, отложила тетради, встала и обняла негодующую бабушку. Ее любимая старая Рада и так почти всегда все видит и знает – без карт, воска, стеклянного шара и прочего, просто не отказывает себе в удовольствии сыграть привычную роль гадалки. Пучки сушеной травы, амулеты, потрепанные книги… это для клиентов. И еще для скучающей, ищущей развлечения бабушкиной души. Кого за нос поводит, кому приврет, а кому и правду скажет – от человека зависит.

– И что ты смеешься? Я, кстати, давно с тобой поговорить собиралась…

– Так мы уже разговаривали об этом сто раз. – Люба наклонила голову набок и улыбнулась. Тема была не только известна, но и многократно разобрана по большим и маленьким косточкам.

– Не сто раз, – проворчала старая Рада и, не сдержавшись, выпалила: – Ты когда начнешь свою личную жизнь устраивать?! Свободная женщина в тридцать пять лет должна за мужчиной, как за хлебом, ходить. Я в твоем возрасте уже трех детей нянчила и четвертого ждала! Мать твоя второй раз замуж вышла и укатила в Астрахань, отец твой… – Рада замолчала. – Кто ж знает, кто твой отец! То есть дочь моя – мать твоя – границы дозволенного знала, но… тьфу! – Бабушка махнула рукой и засеменила в магический зал, так она называла комнату приема клиентов. – Переоденься, – бросила она, складывая в стопку разложенные на столе карты. – Ты молода, красива, умна… В тебе цыганская кровь течет! Ты одним взглядом должна всех с ума сводить!

– Бабушка, – протянула в ответ Люба, распахивая дверцы шкафа. – Крови цыганской во мне не так уж и много, а потом… погадай, вот и узнаем, чего мне от жизни ждать.

Это был один из тех приемчиков, который всегда срабатывал. Бабушка никогда не гадала близким, а уж тем более не стала бы дотрагиваться до карт, держа в голове образ драгоценной внучки. Не хотела она знать ее будущего, категорически не хотела. Запрещено – раз и навсегда.

– Хватит болтать, переодевайся, – ворчливо донеслось в ответ.

Как бабушка не любила ее «скучную» одежду, как не терпела джинсы, серые свитера, простенькую обувь без каблуков, прямые пиджаки и строгие юбки! И как искрились ее глаза, когда Люба доставала из шкафа цыганский наряд, надевала его и превращалась в яркую пеструю птицу! Ее внучка… Ее! Если в ближайший час не ожидались клиенты, Рада и Люба заваривали мятный чай и пили его с рассыпчатым печеньем или горьковатыми шоколадными конфетами.

Театр. Жизнь…

Люба застегнула мелкие пуговки на кофте, крутанулась, следя за игрой цветочного узора юбки, подняла голову и запустила пальцы в густые черные кудри. Браслеты скатились к локтю и звякнули. Эсмеральда – так называла ее бабушка в далеком детстве.

Глава 1

Звонок друга очень обрадовал Петра Петровича Шурыгина. Сколько лет, сколько зим! Работа утром, работа днем, работа вечером, а иногда и ночью – времени уже давно ни на что не хватает, а уж чтобы просто поболтать – куда там!

– …мы не виделись сто лет, и это никуда не годится! – прогудел в трубке бодрый голос Льва Аркадьевича Замятина. – Когда мы с тобой созванивались последний раз? Полгода назад, не меньше. А помнишь, раньше…

– Да! – горячо согласился Петр Петрович. – Макароны по-флотски, помидоры и самогонка твоей бабушки. Молодость, молодость…

– А бизнес как лихо начинали? Долги везде, где только можно, а мы…

– …гоняем по ночной Москве часами, а потом…

– …а потом опять макароны по-флотски, помидоры и самогонка моей бабушки! – радостно закончил фразу Лев Аркадьевич.

– Точно!

– А как ты на моей свадьбе уснул в тумбе для белья, а мы тебя два часа искали, помнишь?! Сложился пополам, скрючился и уснул! Если бы ты тогда не захрапел, мы бы…

– Помню! Конечно, помню, Лёва! – выпалил Петр Петрович и тут же сдержанно добавил: – Только моим не рассказывай…

– Кстати, а как девочки?

Двадцать лет назад Петр Петрович Шурыгин овдовел. Другой женщины, с которой захотелось бы связать жизнь, он больше не встретил, и воспитание трех дочерей легло исключительно на его плечи. Полина, Оля, Катюшка – такие разные… А выросли-то как быстро! Сколько ночей он не спал из-за бесконечных детских болезней и сколько ночей не спал потом, когда девочки перешагнули черту взрослости и начали самостоятельную жизнь. «Ура, мы взрослые!» Ну да… Кому «ура!», а кому постоянная головная боль.

Полина вроде охотно и хорошо училась и затем с энтузиазмом взялась за управление салоном красоты «Анни». Но ветер в ее голове не просто гулял – он кружил и свистел, сметая все на своем пути.

Мужчины к ногам Полины всегда падали детальками пазла, превращаясь в ровный мягкий коврик, по которому она гордо вышагивала. Красива, дерзка, умна – она умело пользовалась и своими достоинствами, и недостатками, с легкостью меняя кавалеров и стуча высокими каблуками, дальше, не оглядываясь.

Она всегда предпочитала дорогую одежду и косметику, отдыхала исключительно за границей в пятизвездочных отелях и с удовольствием тратила деньги, совершенно не задумываясь о завтрашнем дне. Деньги, кстати,

частенько перепадали ей от Петра Петровича – старшую дочь проще всего баловать было именно таким образом. И еще у Полины была удивительная способность вляпываться в истории. Череда ее «подвигов» доводила до инфаркта. Не ее, конечно, доводила, а Петра Петровича. Одна только победа в конкурсе «Лучшая попка сезона» чего стоила! Этот позор прошлым летом наблюдался в витринах почти каждого киоска с прессой: глянцевая обложка мужского журнала, и на ней – зад Полины!

Замечательно!

Великолепно!

Чего еще ожидать от тебя, доченька?

А доченька через некоторое время преподнесла очередной сюрприз: напилась на банкете и подарила вездесущим папарацци небывалую фотосессию! И опять журналы пестрели фотографиями полуобнаженной Полины Шурыгиной, которая на этот раз спилотировала в праздничный торт вместе с красавцем блондином – нет предела беспределу. Пришлось заминать и этот скандал…

Средняя дочь Ольга всегда была настоящим трудоголиком: два высших образования, английский, немецкий и французский языки, школа сомелье и должность директора департамента закупок в «Форт-Экст» – холдинге, президентом и владельцем которого является сам Петр Петрович Шурыгин. Четкое отношение к жизни, все по полочкам, строгие костюмы, исписанные странички ежедневника, никакой беззаботности и работа с утра до вечера. Вот какая Оля – его правая рука!

Но если средняя дочь отлично разбирается в винах, договорах и отчетах, то, кажется, она плохо разбирается в людях. Трехлетний брак с Константином Белкиным, самоуверенным эгоистом, как считал Петр Петрович, рухнул, без сомнения, оставив в ее сердце боль. Она и раньше не любила светские мероприятия с продолжительным застольем, фуршеты, на которых завязываются знакомства, ужины в ресторанах с подругами, ночные клубы, а теперь ее вообще никуда не затащишь (если не считать выставки и банкеты, на которых нужно присутствовать «по долгу службы») – даже на корпоративных вечерах она умудряется устраивать мини-совещания и работать! И во всем образцовый порядок. Надо, надо было пристрелить Константина Белкина…

Катюшка… Его любимая малышка… Пока, слава богу, она ни за кого замуж не собирается – трудно себе представить мужчину, которому можно доверить столь вдохновенное, наивное, ранимое, а иногда и очень вредное создание. Шурыгин хмыкнул и улыбнулся. Младшая дочь – его отрада, еще немного – и она окончит институт, а уж тогда… А уж тогда он найдет ей достойное место в «Форт-Экст», а всякие женихи… Кхм, лет через десять, может быть, не раньше.

– У девочек все в порядке. Полина в конце февраля вышла замуж, – ответил Петр Петрович и кашлянул, вспоминая эту головокружительную эпопею. – Она сейчас колесит с мужем по Европе. Свадебное путешествие в самом разгаре – пока не знаю, когда они вернутся. Надеюсь, скоро, я уже соскучился.

Основную причину беспокойства Петр Петрович озвучивать не стал. Почти каждое утро он, волнуясь, начинал читать газеты с зарубежных материалов – боялся, вдруг Полина и за границей умудрится что-нибудь отчебучить. Ведь ей ничего не стоит завалить Пизанскую башню или разобрать Колизей на камушки. Но, видимо, сейчас ей не до «милых шалостей» – слишком много времени занимает любовь. Или она наконец-то повзрослела? Да нет, вряд ли… Просто ей сейчас хорошо с мужем – Андреем Стрельцовым, и… Петр Петрович вновь улыбнулся. Скорей бы они подарили ему внука, скорей бы! Внук – это мечта. Заветная! Своих дочерей он безумно любит, но кареглазый мальчуган принес бы ему неописуемую радость. Да что там радость – восторг! А лучше бы два мальчугана… или три…

– Замуж? Полина? Передай ей мои поздравления! Надеюсь, она встретила достойного человека…

– Ну-у, другого бы я к своей дочери не подпустил, – деловито ответил Петр Петрович, слегка хлопнув ладонью по высокой спинке кожаного кресла. – Наш человек, а главное – очень любит Полину. Я рад за них. – Он кивнул, подтверждая свои слова. – Оля работает, Катюшка учится. Пока все спокойно.

– Эх, девчонки – милое дело! А мой обалдуй… – Лев Аркадьевич тяжело вздохнул. – Никита возвращается. Представляешь? Лондон ему, видите ли, не нравится! Погода не такая, ресторан надоел, ностальгия замучила… В общем, еще целая куча дурацких причин, из-за которых он должен вернуться в Москву! Больше десяти лет его все устраивало, а тут – нате, пожалуйста! Купил билет, собрал вещи – и на самолет! В считаные дни перевернул все с ног на голову! И пусть говорит, что хочет, но я-то знаю, откуда ветер дует. Мария Сереброва! –

Лев Аркадьевич фыркнул и добавил уже спокойнее, устало: – Опять она вошла в нашу жизнь, да что ты будешь делать… Как только Никита решил сорваться, я тут же навел справки. Она развелась – вот причина! Помнишь эту историю? Я-то, дурак, надеялся, что все благополучно закончилось, мой сын прочно обосновался в Англии и забыл эту… вертихвостку. Так нет же! Уверен, они переписывались и перезванивались… И теперь, конечно, она с радостью вцепится в Никиту!

– Мария Сереброва… – задумчиво произнес Петр Петрович, – а это не та…

– Да, да! Та самая! Это ее свадьбу он пытался сорвать, из-за нее загремел в милицию и из-за нее же согласился уехать в Англию, чтобы забыть и никогда не вспоминать! И я надеялся… Наивный дурак!

– Мне кажется, ты напрасно волнуешься. Никита – взрослый человек, ему… тридцать три?

– Тридцать два!

– В этом возрасте люди обычно уже действуют взвешенно.

– Эх, Петр, юношеская любовь – известная зараза… Я хотел его встретить в аэропорту и привезти к себе – в «Пино Гроз», поговорить серьезно, встряхнуть, наставить на путь истинный… И обязательно до того, как он увидится с ней… пока еще у него мозги хоть чуть-чуть на месте. Я бы Никиту немного отрезвил… Но чертовы французы остались еще на один день, через полчаса они приедут на обед – мой шеф-повар уже вовсю старается! Я должен присутствовать на этом прощальном обеде, сам знаешь, как для них важен этот растреклятый этикет! Боюсь, Машенька Сереброва сплетет свои сети уже сегодня…

– Отправь за ним кого-нибудь другого – это же не проблема, – посоветовал Петр Петрович, усаживаясь в кресло.

– Да он этого другого пошлет на фиг и поедет туда, куда ему захочется, а не ко мне. Не думаю, что на свете есть человек, способный справиться с Никитой. А уж если на горизонте маячит «прекрасная Маша»…

Взгляд Петра Петровича скользнул по стопке папок, по мятому листку факса, по компьютерной мышке, по клавиатуре, по длинному столу для совещаний и остановился на человеке, который был способен выполнить еще и не такое поручение. Егор Кречетов, частный детектив, усмехаясь, сидел напротив Шурыгина, почти у двери, привычно раскачивался на стуле и ожидал окончания разговора. Нагло курил и не менее нагло стряхивал пепел в металлическую подставку для ручек и карандашей.

– Не волнуйся, Лёва, – твердо сказал Петр Петрович, только теперь уловивший запах сигаретного дыма. – Никиту в аэропорту встретят и доставят к дверям твоего ресторана без задержек. Считай вопрос решенным.

* * *

Около четырех лет назад Шурыгину порекомендовали Кречетова как умного, честного и хваткого частного детектива. Добавили, правда, что наглости этому молодому человеку не занимать и лучше в его работу с советами не лезть – вмешательства он не терпит, к тому же у него свои методы и связи. Характеристика оказалась верной. Егор умело решил проблему: вычислил вора и нашел украденные документы, чем мгновенно заслужил доверие Петра Петровича. Ну, а зубами поскрежетать впоследствии пришлось много раз…

Егор был остр на язык, везде чувствовал себя как дома (даже в многокомнатной квартире Шурыгина на Ленинском проспекте) и не слишком церемонился в выборе средств. А уж поддевал он Петра Петровича при каждом удобном случае (это же особое удовольствие – позлить президента группы компаний «Форт-Экст», получившего в определенных кругах прозвище Король Алкоголя).

И Шурыгин злился, то и дело обещал Егору больше никогда к нему не обращаться, но все равно набирал номер его телефона даже при малейшей ерунде. Некоторые проблемы, связанные с дочерьми, он тоже решал с помощью Кречетова. У Петра Петровича явно наблюдалась психологическая зависимость, в которой он ни при каких обстоятельствах не признался бы. Егор приедет и разберется: если потребуется, отправится на край света, при необходимости вычислит врага или попросту нашпигует территорию обнаглевшего конкурента «жучками» и «принесет на блюдечке» ценную информацию. Сделаешь? Легко!

К «жучкам» у Петра Петровича отношение было двойственное. С одной стороны, штука нужная, с другой – не факт, что Кречетов не злоупотребит своими возможностями и не подсунет подслушивающие устройства в его собственный кабинет. Мало ли что Егору для дела нужно… разве он предупредит, спросит разрешения? Да никогда!

А Кречетов явно злоупотреблял, и где у него была граница между «можно» и «нельзя», для Петра Петровича оставалось загадкой. Иногда он осматривал углы кабинета, но «жучков» пока не находил. Нет, Егор не стал бы ничего делать из праздного любопытства или во вред Шурыгину, он работал исключительно на результат, но его методы иногда доводили до бешенства! Петр Петрович понимал, что иначе нельзя, но легче от этого не становилось. Он злился, кричал, но потом вновь звал Кречетова.

Егор отлично разбирался в людях. Как раз сегодня Петр Петрович хотел обсудить с ним предстоящую встречу с одним из конкурентов, который уже давно и настойчиво переманивал клиентов, а еще гадил по мелочи. «Форт-Экст» такая проблема – как слону дробина, но своего Петр Петрович никому отдавать не собирался. Душевный разговор с Лёвой скорректировал его намерения: другу сейчас нужна помощь, а с конкурентами можно и потом разобраться. Так что давай-ка, Егор, поезжай в аэропорт и встречай размечтавшегося Ромео. И от себя Никиту ни на шаг не отпускай, пусть сначала мальчик поговорит с отцом, а уж потом делает выводы. А то любовь старую вспомнил… Все бросил ради женщины, которая много лет назад его променяла на другого.

Нет, это никуда не годится!

– Поезжай, поезжай, – благословил Егора Шурыгин. – Доверить столь ответственную и деликатную миссию больше некому.

* * *

Меньше всего Егор собирался встречать Никиту Замятина. К черту! Делать ему больше нечего, как только работать извозчиком. Многоуважаемый Петр Петрович, у вас есть целый штат подчиненных – ни в чем себе не отказывайте, выберите достойного и отправьте его в аэропорт Домодедово. Довезти Замятина из пункта А в пункт Б сможет любой. А если парень и удерет по дороге, то ничего страшного не случится.

Егор нажал кнопку лифта и поморщился, представляя, как Шурыгин будет рвать и метать, когда окажется, что сына его друга никто не встретил и «мальчик» поехал не к отцу, а направился прямиком к своей Маше.

«Минимум лет пять будет мне вспоминать», – усмехнулся Егор.

Повернув голову, он увидел Ольгу. Дочь Петра Петровича закрыла дверь одного из кабинетов и, прижав к груди тонкую папку, тоже направилась к лифту. По изменившемуся выражению ее лица стало сразу понятно, что встрече она не рада. Собственно, неудивительно. Егор знал: дочери Шурыгина относятся к нему прохладно. И для этого были вполне объективные причины. Да, приходилось вмешиваться в их жизнь, «приглядывать». Он даже знал, что Ольга прозвала его Доберман. Ну что ж, он не против, даже забавно.

– Привет.

– Здравствуй.

– Как жизнь?

– Хорошо.

– Как работа?

– Тоже хорошо, – сухо ответила Оля и, зайдя в кабину лифта, нажала кнопку первого этажа.

– Куда направляешься? – поинтересовался Егор, прислонившись к стене кабины.

– По-моему, это тебя совершенно не касается.

Вопросы он задавал только потому, что она явно не хотела на них отвечать. Средняя дочь Петра Петровича Шурыгина, помимо того что не питала слабости к наглым частным детективам, еще и слишком зацикливалась на работе. Должность директора департамента закупок обязывала плюс характер…

Ольга зачем-то стягивала волосы в низкий хвост, почти всегда носила нелепые костюмы, практически не пользовалась косметикой и не терпела пустой болтовни. Будь Егор глупцом, он наверняка прозвал бы ее «серой мышью». Но нет, она не такая…

«Петр Петрович, а я, пожалуй, дам вам шанс помочь другу… Может, ваша дочь желает смотаться в «Домодедово»? – насмешливо подумал Егор, прекрасно понимая, что Оля пошлет его куда подальше. – Вы же там одна большая семья и все такое. Ну а потом, когда вы будете орать мне в ухо: «Кречетов, ты негодяй!», я отвечу, что не смог… перепоручил… Как говорится – вахту сдал, вахту принял».

– Не хочешь прогуляться в Домодедово? – спросил он небрежно.

Дверцы лифта бесшумно разъехались в стороны.

– Что? – изумилась Оля.

– Сегодня из Лондона прилетает знакомый твоего отца, кажется, парня замучила ностальгия, и Петр Петрович попросил его встретить. – Егор мило улыбнулся. – Но, увы, я занят. Вот я и подумал, вдруг ты…

– Нет, – холодно ответила Оля, догадываясь, что нелюбимый ею Доберман просто развлекается. – Представь, я тоже занята, – добавила она и вышла из кабины лифта.

– А если я тебя очень попрошу?

Остановившись, секунду помедлив (нужно ли продолжать этот разговор?), она обернулась. Егор стоял на расстоянии вытянутой руки, наклонив голову набок и приподняв брови.

– Ты… – начала Ольга, явно желая сказать нечто резкое, но вдруг осеклась, а затем спросила: – Ты сказал «знакомый из Лондона»?.. Как его зовут?

– Никита Замятин.

– А когда он прилетает?

– В пятнадцать часов сорок минут, – ответил Егор, уловив в голосе Ольги удивление и заинтересованность. Они знакомы? Похоже на то… В общем-то, ничего странного: дети друзей Шурыгина наверняка общались, а может, и сейчас общаются, с его детьми. Одна тусовка…

Егор почувствовал, как Ольга напряглась, по ее лицу пролетела тень беспорядочных воспоминаний. Он сдержал усмешку, четко угадав ее желание: теперь она хочет отправиться в Домодедово, но только не знает, как «соблюсти приличия» и повернуть разговор в обратное русло. Ну что ж, он, вредный, нехороший Доберман, готов помочь.

– Твой отец повесил на меня это дело, но мне, если честно, лень.

«Как насчет одолжения?.. Такая формулировка тебя устроит?.. Ну же, ну же, соглашайся!»

Встретившись с Олей взглядом, Егор потер щеку и пожал плечами.

Она скривила губы, давая понять, что не одобряет его лень, немного помолчала и сказала:

– Хорошо, но не думай, что я помогу тебе просто так.

О нет! Конечно, нет! В голову даже не приходило! Как можно! Семейство Шурыгиных вообще славится своей практичностью.

«Умница, а теперь выстави условие. Тогда я, конечно, не подумаю, что ты сама хочешь поехать, что ты давно знакома с Никитой Замятиным и тебе важно его увидеть. Отличный ход. Умница».

– Без проблем. И чего твоя душа изволит? – спросил он с некоторой иронией.

– Пока не знаю… – Оля опять прижала папку к груди и спокойно добавила: – Ты мне будешь должен – вот и все.

– Договорились, – кивнул Егор, прикидывая, не отправиться ли в Домодедово следом.

Глава 2

Нет, она никогда не была в него влюблена. Много лет назад Никита Замятин пробуждал у нее совсем другие чувства. Он был ее абсолютной противоположностью, чем, собственно, и вызывал интерес. Вечно нечесаный, расхлябанный, шумный, иногда грубый, иногда излишне веселый… Как он при таком поведении и отношении к жизни умудрялся учиться на «отлично», оставалось загадкой.

Когда они виделись последний раз? Ей было четырнадцать, а ему восемнадцать. Приблизительно в этом возрасте… И виделись они, скорее всего, на чьем-нибудь дне рождения – она уже и не помнит точно… Оля пристегнулась ремнем безопасности и завела мотор.

О жизни Никиты она знала много. Лев Аркадьевич часто звонил и советовался с ее отцом, как воспитывать сына и что делать. Иногда долетали обрывки фраз, иногда Полина рассказывала что-нибудь интересное, иногда сам Петр Петрович, вздыхая, принимался рассуждать о сумасшедшей молодежи вслух. Никита так или иначе всегда присутствовал в жизни семьи Шурыгиных. Последние годы, правда, заочно.

В одиннадцать лет, поссорившись с родителями, он решил сбежать в Челябинск к прабабке, с которой знаком был только по фотографии шестидесятых годов. Сложил в школьный портфель самое необходимое (карту, компас, коллекцию вкладышей от жвачек, водяной пистолет и бутерброд с колбасой), написал записку «Не ищи меня, мама» и отправился на Казанский вокзал, где и был схвачен за шкирку милиционером.

В двенадцать лет Никита организовал в школе акцию протеста и поднял на борьбу с несправедливостью не только своих друзей, но и два параллельных класса. Требования были очень серьезными, забастовщики не собирались идти на уступки.

«Каждый сам вправе выбирать себе партнера по парте!»

«Долой насильственное расселение!»

«Я хочу сидеть с Витькой!»

«Даешь свободу выбора!»

Плакаты, развешанные по третьему этажу школы, заставляли учителей то нервно вздрагивать, то тяжело вздыхать. Дети же отказывались выходить на перемены из классов, а вместо этого радостно дубасили учебниками по партам – ура, победа будет за нами!

Через два дня в школу вызвали Льва Аркадьевича. Он пообещал хорошенько надрать сыну уши, но то ли отложил наказание, то ли оно не помогло. А понедельник начался с того, что Никита выдвинул новые требования: свобода выбора партнера по парте плюс увеличение большой перемены на десять минут.

Большую перемену оставили без изменений, а на свободу директор все же дал согласие. «Революционер», – окрестил он юного нарушителя порядка и махнул рукой.

В тринадцать лет Никита на спор спрыгнул с крыши бойлерной. Спрыгнул не на асфальт, а на новенькую белую «Волгу», принадлежавшую вредному старикану, который жил на первом этаже в их же подъезде. В четырнадцать уговорил одноклассниц прийти на урок физкультуры в купальниках. В пятнадцать отправился в военкомат и потребовал досрочно принять его в ряды Вооруженных Сил.

А в девятнадцать влюбился в девушку по имени Маша и, по мнению Льва Аркадьевича, «совершенно съехал с катушек».

В двадцать он твердо решил на ней жениться.

В двадцать один год Никита сел за руль отцовского «мерса» и отправился на свадьбу. Только женихом на этом празднике жизни был не он. Ломая забор, сминая круглые столики, застеленные белыми скатертями, до смерти напугав

празднично разодетую публику, он танком въехал на загородный участок родителей невесты и… был скручен охраной, а затем ценной бандеролью передан доблестной милиции. Невеста лишь сморщила носик.

Оля тогда долго размышляла над случившимся и задавалась различными вопросами. Как можно быть таким порывистым? Почему не проанализировать ситуацию заранее? Зачем он вообще поехал? Да, любовь – сильное чувство, но нельзя же терять разум…

В общем, Никиту Замятина с его пылкими страстями и неожиданными поступками она решительно не понимала. Но, как ни странно, очень хотелось понять. Будто в ее личном контролируемом мире существовала незначительная поломка – оторвался проводочек и искрит, а найти это проблемное место не получается.

После шумихи Никита по настоянию отца отправился заканчивать высшее образование в Кембридж, где увлекся регби и где со временем получил не только диплом, но и перелом носа. На жизнь он не жаловался, Машу вроде не вспоминал. Потихоньку влился в бизнес отца и возвращаться в Москву не собирался. Лев Аркадьевич был рад и горд – все успокоилось, а его сын занял достойное место в ресторанной империи «Пино Гроз».

Была еще одна причина, по которой Замятин вызывал у Ольги особый интерес, – соперничество. Никита удивился бы, узнав, что еще много лет назад маленькая Оля выбрала именно его соперником в игре «Здравствуй, будущее». С одной стороны, им делить нечего, с другой – в их судьбах слишком много похожего. Отцы – успешные бизнесмены. И ей, и ему нравилось учиться, нравилось добиваться. И он, и она закончили школу с серебряными медалями. Оба знают по три языка (когда она взялась за немецкий? Когда узнала, что его выучил Никита?). Рано или поздно ей предстоит возглавить «Форт-Экст», ему – «Пино Гроз», как будто они однажды встретились на старте и устремились вперед. Кто действительно станет достойным, а к кому навсегда приклеится ярлык «Эй, тебе просто повезло с отцом»?..

Припарковав машину, Оля повернула голову и посмотрела на плоский коричневый портфель, лежавший на соседнем кресле. Дамские сумочки ей никогда не нравились – папку с документами не впихнешь, а брать еще и пакет… зачем, когда можно прекрасно все разместить в портфеле?

Лист бумаги, маркер… Не нужно, чтобы Никита ее узнал, ей хочется увидеть его как бы со стороны – без примеси ненужных слов и без возобновления якобы приятельских отношений.

Когда они встречались последний раз? Кажется, ей было четырнадцать, а ему восемнадцать. Конечно, он ее не узнает… Она вытянулась – из пухлой девочки превратилась в стройную девушку, на носу и подбородке больше нет прыщей, вместо стрижки «паж» – длинные густые каштановые волосы. Теперь ей – двадцать восемь, ему – тридцать два. И он, разумеется, тоже изменился.

«Егор сказал, что Никита возвращается навсегда – ему надоело жить и работать в Лондоне. Неужели его действительно замучила ностальгия или причина совсем другая?» – задумалась Оля, открывая дверцу машины.

* * *

– Мы разобьемся!

– Не факт.

– Я чувствую – мы разобьемся! Слышите звук? Гудящий такой…

– Наверное, один из двигателей барахлит.

– Что?!

– Я пошутил. – Никита закрыл книгу, повернулся к моложавой старушке и, выделяя каждое слово, четко произнес: – Успокойтесь, до посадки осталось двадцать минут. Все будет хорошо.

– Мы разобьемся! – в тысячный раз громко выдала старушенция.

– Не факт, – в тысячный раз возразил Никита.

Почти весь полет его соседка тряслась от страха: сеяла панику, грызла мятные леденцы, охала, просила воды, обмахивалась тонким глянцевым журналом и

обстоятельно готовилась к смерти. Он ее успокаивал как мог, но не помогало. Даже три анекдота, от которых у любой другой пожилой дамы уши покраснели бы и отвалились, не произвели на нее никакого впечатления. Она только кивнула, обронила короткое «поняла» и продолжила «умирать», то всхлипывая, то восклицая. «Вы знаете физику? Вы можете объяснить, как эти ужасные самолеты устроены? Как они летают?»

Кошмар был затяжным и почти непрерывным.

Утром поесть не удалось (замотался, закрутился), и два часа назад тоже пришлось остаться без обеда: старушенция нервно заглотила не только свой кусок говядины, картошку, салат, но и его порцию тоже. Никита надеялся, что после такой трапезы она разомлеет и уснет, и даже достал из сумки книгу, но не тут-то было. Триллер под названием «Минуты нашей жизни сочтены» продолжился. «Это ужасно… лететь, надеяться… а потом – взрыв, и я уже на небесах! А мои химчистки и любимый муж останутся на земле». Никита даже полстраницы не успевал прочитать, как на него обрушивались старые и новые стоны о неизбежной кончине наивных, ничего не подозревающих пассажиров. Книгу пришлось отложить, но потом он взял ее снова. Скорей бы уже приземлиться!

– У вас есть завещание? – спросила старушенция, схватив его за руку.

– Нет.

– Это вы напрасно. Знаете, как часто падают самолеты?

– Раз в месяц.

– Правда?

– Угу.

– А в этом месяце уже падал?

– Нет.

– А какое сегодня число?

– Тридцатое апреля.

Старушенция открыла рот и часто-часто заморгала – к такой правде жизни она оказалась совершенно не готова.

Никита мысленно отругал себя за очередную злую шутку – ведь перед ним пожилая женщина, которая годится ему в бабушки, – взмолился о терпении и сделал попытку исправить положение:

– Извините, я опять пошутил. Сегодня четвертое апреля, и, скорее всего, в этом месяце упадет другой самолет.

Не удержался, съязвил.

О! Если бы не ее возраст…

Вообще-то старушка была не из простых. Высокая, худая, волосы фиолетовые, уложенные в объемную прическу. В ушах – серьги с большими рубинами, на шее тяжелые бусы из белых и красных шариков, на пальцах кольца – серебро и золото вперемешку. Еще в начале полета она рассказала о себе много интересного: первого мужа загубила – через три года после свадьбы он сбежал от нее с язвой желудка, – второго подарила лучшей подруге, с третьим сейчас была вполне счастлива. «Наконец-то я встретила настоящего мужчину – он предугадывает каждое мое желание». Столь замечательным сказочным принцем оказался ее бывший шофер – молодой человек двадцати семи лет. Теперь он не мотался по московским улицам, а поддерживал порядок в недавно купленной трехкомнатной квартире на Новом Арбате. Сама бабуленция владела пятью химчистками, о чем не без гордости сообщила раз десять. И все у нее отлично, вот только летать боится.

– То есть, – улыбнулся Никита, – самолеты вообще больше падать не будут. Никогда.

– Вы меня просто успокаиваете, – пустила слезу старушенция и выронила носовой платок.

– Ну, посудите сами, зачем мне вас утешать? – Никита отцепил руку соседки от своей руки и обиженно добавил: – Делать мне больше нечего.

– Мы упадем.

– Не факт, – тяжело вздохнул он.

– Я упаду, и вы упадете вместе со мной! – зло выдала соседка, окончательно разочаровавшись в собеседнике. Почему же ему не страшно? Ему обязательно должно быть страшно!

– Не факт, – зевнул в ответ Никита. – То есть вы, может, и да, а я вряд ли…

– Но мы летим в одном самолете!

– Еще слово – и в самолете буду лететь я вместе с другими пассажирами, стюардессами и экипажем, а вы отправитесь вниз на землю. Почти самостоятельно и без парашюта.

Старушка качнула фиолетовым причесоном и, желая обрушить на гадкого собеседника весь гнев, набрала в легкие воздух, но вспомнила о перспективе самостоятельного полета (без каких-либо двигателей), захлопнула рот и откинулась на спинку кресла.

«Надо было сказать ей это еще два часа назад», – подумал Никита, наслаждаясь долгожданным покоем.

Тратить время на получение багажа не пришлось – вещей он взял немного, всего одну сумку. Он мог вообще отправиться налегке, но пока неизвестно, чем закончится разговор с отцом и не придется ли ехать в гостиницу. Папочка, мягко говоря, уже не одобрил его возвращение (а что будет дальше?) и, кажется, до сих пор надеется, что неразумное чадо одумается и все переиграет. Но нет, этого не будет.

В зале прилета Никита первым делом посмотрел на яркие кафешки (перекусить или потерпеть?), а уж затем принялся разглядывать встречающих. Отец грозился приехать, но, похоже, передумал.

Никита прошел мимо электронного табло, мимо восторженной барышни с букетом хилых гвоздик, мимо группы пацанов, шумно радующихся прилету друга, мимо пышной женщины в клетчатой кофте, недовольно бурчащей себе что-то под нос, мимо девушки, держащей в одной руке плоский кожаный портфель, а в другой – лист бумаги… Только сделав еще несколько шагов, он осознал, что было написано оранжевым маркером на белом листе. «Никита Замятин». Ого, а о нем не забыли!

На губах появилась усмешка. Он едко подумал: пусть девчонка стоит, встречает – а он пойдет своей дорогой. Ага, пойдет. А может, она знает его в лицо? Хм, отец вполне мог показать ей фотографию.

Секунду помедлив, Никита обернулся и… наткнулся на ее взгляд. Ну да, она его узнала, только пока не двигается с места – сомневается. «Папочка, ты все продумал…»

Ладно, ну и что. Если ей нужно, пусть догоняет. Никита прибавил шаг, представляя, как незнакомка срывается с места и скачет за ним по залу, размахивая листком. «Подождите! Подождите! Куда же вы! Меня прислал Лев Аркадьевич! Подождите!» Да, наверное, это будет выглядеть именно так.

Никита переложил сумку в другую руку и остановился около прилавка маленького пестрого кафе. Прислушиваясь, не зовут ли его, купил бутылку холодной минералки и покосился в сторону девушки… Она по-прежнему стояла ровно, точно солдат на вахте, и сверлила его взглядом. Продолжает сомневаться или взывает к совести? Никита улыбнулся, коротко вздохнул, сделал несколько глотков и пошел обратно. Совесть в наличии имелась, но не в ней сейчас дело. Увиливать от разговора с отцом он не собирался, так зачем тянуть? Поехали!

– Привет, – бросил Никита, остановившись напротив девушки. Выражение ее лица не изменилось: ни осуждения, ни удивления.

– Добрый день, – произнесла она.

– Никита Замятин, – представился он и, оправдывая свое поведение, предъявил бутылку с водой: – Пить очень хотелось.

– Я отвезу вас ко Льву Аркадьевичу, пойдемте, – ответила она.

Никита согласно кивнул (мол, как скажете) и покорно пошел следом за девушкой. Странно, на миг она показалась знакомой, но нет, раньше они не встречались – в Москве он не был уже сто лет.

– А как вас зовут?

– Ольга, – не оборачиваясь, ответила она.

«Вполне, – подумал Никита, гадая, почему отец прислал именно ее? – Наверное, она сестра Мэри Поппинс. Выглядит так же и уж точно знает, как воспитывать шаловливых детишек, знает, что такое хорошо и что такое плохо». Он усмехнулся. Наверняка ее жизненная философия строго рассортирована по параграфам, а принципы сложены в душе ровной стопкой – уголок к уголку.

«Папа, а она не психоаналитик случайно? Может, ты решил повлиять на меня таким образом?» Никита посмотрел на Олю с еще большим интересом. Точно, психоаналитик, а еще наверняка вегетарианка и феминистка. Все они какие-то худые и… ну-у-у… маловыразительные, что ли.

Она обернулась, и он встретился с ней взглядом.

Нет, не вегетарианка.

И не феминистка.

Но точно психоаналитик.

– Это весь ваш багаж?

«Опомнилась, милая!»

– Весь.

– Хорошо.

Отвернувшись, она направилась к стеклянным дверям зала – на выход. Никита пожал плечами, сунул руку в карман и хмыкнул. Да чего он к ней привязался-то? Что на него нашло? Может, она – секретарь или менеджер, было у нее свободное время, отец и отправил в аэропорт. Все просто.

«И без сомнения, она мечтает сделать карьеру в «Пино Гроз», – зевнул Никита. – Дело хорошее».

Глава 3

Заметив Никиту в толпе прилетевших, Оля вдруг удивилась – как она могла ввязаться в эту авантюру? Подобные поступки ей совершенно не свойственны. Полина, Катюшка – могли бы, но она… А уж затем в душе мелькнуло волнение. Никита изменился. Еще бы! Столько лет прошло. Он стал мощнее, тяжелее и, кажется, даже выше. Широкие плечи, квадратный подбородок и горбинка на носу… да, увлечение регби не прошло даром, и перелом носа он действительно схлопотал.

Но во многом Никита остался прежним. Белая футболка с непонятной размытой эмблемой, теплая клетчатая рубашка нараспашку с засученными рукавами, потертые джинсы, пыльные спортивные ботинки – привычная небрежность в одежде. Темно-русые вьющиеся волосы давно ожидали встречи с парикмахером, рыжеватая щетина – с бритвенным станком. Никита показался одновременно очень знакомым и совершенно далеким. Оля несколько раз торопливо вдохнула воздух, будто могла уловить запах его парфюма, и мгновенно успокоилась. В душе опять установился порядок – ветерок волнения бесследно исчез. Вот ее соперник… идет не спеша, лениво скользя взглядом по сторонам… Она коротко кивнула собственным мыслям и подняла лист бумаги с именем повыше.

Но он прошел мимо. Нагло прошел мимо. Оля подавила желание догнать его, взять за локоть и объяснить, что это по меньшей мере некрасиво, что если человек ждет тебя, встречает, нужно подойти и… Почему он ее проигнорировал? Узнал? Нет, точно нет. Не прочитал свое имя? Прочитал, она же видела. Егор намекал на разногласия между Никитой и Львом Аркадьевичем, может, дело в этом? Голова все время поворачивалась в его сторону, глаза следили за ним, не отпускали. Раз взялась, то должна выполнить поручение, и Никите Замятину

лучше бы изменить поведение.

Когда он вернулся с бутылкой минералки, Оля удовлетворенно подумала: «Так-то лучше», – и повела его к машине. Инстинктивно она прислушивалась к его шагам и ожидала вопросов.

Никита отправил сумку в багажник синей «Хонды», развалился на сиденье и потянулся к мобильнику. Но, повертев в руке телефон, сунул его обратно в карман джинсов – с отцом он поговорит позже. Сейчас лучше расслабиться и просто смотреть в окно на изменившуюся Москву. Он соскучился по знакомым с детства улицам, по суетливой атмосфере любимого города, по вывескам и плакатам на родном языке. А еще взгляд тянулся влево – к девушке Ольге. Прогнать бы ее с водительского места и «потолкаться» на перекрестках самому! Интересно, она вообще улыбаться умеет? Весна на дворе, черт побери!

Никита обернулся, посмотрел на кожаный портфель, лежавший на заднем сиденье, мысленно протянул «Н-да…» и сел ровно. Может, отец специально послал к нему эту чопорную зануду, чтобы прилет с первых же минут показался безрадостным? Ну, если она психоаналитик… А психоаналитики укладывают своих пациентов на кушетки? Никита улыбнулся до ушей и вновь повернулся к окну. Нет, он не ляжет, пусть и не надеются.

– Оля, вы не хотите есть?

– Нет, – коротко ответила она, останавливаясь на светофоре.

– А я бы поел… борща, например. Вы часто едите борщ?

– Нет.

– А почему?

Оля на секунду повернула голову к Никите, пытаясь понять его настроение, и пожала плечами. Он ее не узнал – это, как ни странно, приятно.

Она его перехитрила? Да. Перехитрила.

– Пристегнитесь, пожалуйста, – сказала она вместо ответа.

– Ах, да! Как я мог забыть! – нарочито эмоционально воскликнул он. – А вы, кстати, когда права получили?

– Давно.

– А можно на них взглянуть?

– Вы нервничаете, когда за рулем женщина?

– Нет, как видите, я даже не пристегнулся, доверив вам жизнь целиком и полностью.

– Тогда зачем вам мои права?

– Хочу посмотреть на фотографию, – он усмехнулся.

Оля поняла, что нервничает, – он сбивал ее с толку. То борщ, то фотография… Или он ее узнал? Поездка в аэропорт была форменным безумием. Егор! Во всем виноват Егор.

Еще она поняла, что Никита ее несколько разочаровал. Она надеялась встретить в аэропорту делового человека, одетого в костюм с идеально подобранным к рубашке галстуком. Конечно, особых надежд она не питала – младшего Замятина исправить, наверное, невозможно, но хотелось увидеть достойного соперника.

– Так как насчет фотографии? – напомнил Никита.

– Нет.

– Понял, не дурак, – легко бросил он и подумал: «Разговор двух идиотов». Он бы не цеплялся к ней, но не получалось; то ли старушенция в самолете завела, то ли Москва взволновала… – А кем вы работаете, Оля?

– А почему вас это интересует?

– А почему вы не отвечаете на мой вопрос?

– А с чего вы взяли, что я должна на него отвечать?

– Зануда.

– Разгильдяй.

– Что? – удивленно спросил он, вновь повернув голову.

Она сделала вид, будто не услышала вопроса, но сердце заколотилось, как ужаленное. Он назвал ее занудой. И Полина, и Катя всегда ей это говорят – она привыкла, но он на такой выпад не имел никакого права. Избалованный папочкин сынок! Да как он смеет! Он ее совершенно не знает! То есть знает, но недостаточно.

– Разгильдяй, – повторила она, глядя исключительно на дорогу.

– Ладно, извини за зануду, – весело сказал он, убирая со лба назад длинную челку. «Почему для защиты она выбрала именно это слово? – подумал Никита. – Ну, небрит, немного помят… и все же?»

– Хорошо.

– Ну, а теперь ты давай извиняйся за разгильдяя.

– С какой стати?

Он чуть не расхохотался. Да нет, какой она психоаналитик? Односложные ответы и никакого контакта с «пациентом». Эй, девушка, вы откуда и куда? Распустил отец подчиненных – никакого уважения к сыну босса.

Оля же мысленно ругала себя: нужно просто довезти Никиту до «Пино Гроз» – и все. Он, безусловно, считает ее подчиненной отца, и лучше, если он и дальше

будет так считать. А она явно вышла из роли.

– Извините, – ровно произнесла она, – я погорячилась. И позволю себе напомнить, что на ты мы с вами не переходили.

«Папа, да это сущее наказание! Конечно, конечно, я немедленно возвращаюсь в Лондон. Не могу больше».

– Зануда, – вздохнул Никита.

– Разгильдяй, – удовлетворенно повторила Ольга.

«Обнаглел», – подумала она. «Обнаглела!» – подумал он.

До «Пино Гроз» они добрались без задержек, повезло – никаких пробок. Машина плавно остановилась около головного ресторана империи Замятиных и тихо фыркнула, извещая о прибытии к месту назначения. Коротко щелкнул замок ремня безопасности, взгляды Ольги и Никиты невольно устремились к строгому стильному зданию. Оно было похоже на черную лаковую шкатулку, лишь в некоторых местах украшенную позолотой. Полупрозрачные стеклянные двери закрыты – но стоит подойти, как служащий в форменной одежде распахнет их и поприветствует гостя. Сюда не заскакивают перекусить, сюда приходят неспешно, зарезервировав заранее столик. Деловые люди решают здесь бизнес-вопросы, гурманы наслаждаются необыкновенно вкусными блюдами, а мужчины, решившие изменить жизнь, делают предложения руки и сердца романтично настроенным дамам. «Пино Гроз» – это класс и стиль.

Олю всегда удивляло, почему Лев Аркадьевич выбрал для своей ресторанной империи именно такой образ. Престиж и уровень – понятно, но эта атмосфера не вязалась со старшим Замятиным. Ему бы больше подошла немецкая кухня, более демократичная. Он, как человек домашний, смотрелся в костюме и галстуке странно, казалось, одежда его раздражает и сковывает.

Никита вылез из машины, потянулся, точно после долгого сна, и направился к багажнику за сумкой. Приехал. Вернулся. И теперь предстоит объяснение с отцом. По сути, формальное объяснение, потому что менять свое решение он не собирается. Давно нужно было смотаться из Лондона.

Шагнув на тротуар, Никита обернулся на «Пино Гроз», а затем снова посмотрел в сторону «Хонды». «Ну, давай, многоуважаемая Оля, выбирайся, пойдем. Отец заждался: меня будет ругать, а тебя – хвалить».

Но Ольга не вышла. Зарычал мотор, и машина, набирая скорость, устремилась к перекрестку.

– Не понял… – протянул Никита, глядя вслед. Он еще не был готов расставаться с этой девушкой. Как-то само собой разумеющимся казалось зайти в ресторан вместе, направиться к отцу… Кем она работает, черт побери? Кого папочка к нему подослал? Конечно, у нее может быть куча забот, но…

– До сви-да-ни-я, – нараспев произнес Никита, разворачиваясь к «Пино Гроз». Усмехнувшись, добавил: – Зануда, – и зашагал к дымчатым дверям. Мысли мгновенно изменили направление.

«Ну, папа, тебе придется смириться не только с моим возвращением, но и со скорой женитьбой на Маше.

Да».

* * *

– Ты свалил ресторан на Шона и купил билет на самолет!

– Шон – отличный парень и работает управляющим уже не первый год, – спокойно ответил Никита, закидывая ногу на ногу. Да, сейчас ему многое поставят в вину, и он готов отвечать по пунктам.

Лев Аркадьевич раздул щеки, сунул руки в карманы серо-зеленого джемпера, крутанулся на пятках и, успокаиваясь, сделал несколько широких шагов по ковровой дорожке. Рыжие волосы на макушке встали дыбом, отчего упитанный Замятин стал похож на нахохлившегося попугая.

– Тебе нужен отпуск? Хорошо. Ты хочешь провести его в Москве? Пусть. Но давай договоримся, что потом ты вернешься в Лондон.

– Нет, – Никита лучезарно улыбнулся, развел руками и, мечтая о глотке виски, посмотрел в сторону знаменитого бара отца.

«И не думай!» – взвился про себя Лев Аркадьевич, а вслух терпеливо, стараясь чтобы голос звучал спокойно, спросил:

– Почему?

– Я хочу жить и работать здесь. Заграница для меня хороша только в качестве отдыха.

– Ты десять лет провел в Англии, и все было прекрасно, с чего вдруг такие перемены? В конце августа, когда я приезжал, ты о возвращении не думал. – Лев Аркадьевич прищурился, надеясь, что сейчас-то всплывет долгожданная правда и можно будет высказаться без помех. Хватит юлить!

Никита чуть закинул голову назад и задумчиво посмотрел на отца, будто решал, что именно сказать.

– Все меняется… – философски протянул он и еще раз улыбнулся.

Вот эти улыбочки Льва Аркадьевича особенно раздражали. Речь идет о важнейших вещах, а его сын… как ребенок! Не о лондонском ресторане сейчас болит душа – на Шона действительно можно положиться. Но нельзя допустить, чтобы в семью Замятиных вошла некая особа женского пола. Никиту она не любит (без сомнения!), и к тому же ее нельзя назвать достойным человеком. Гадко крутить шуры-муры с одним, выходить замуж за другого и чувствовать себя при этом спокойно! Гадко! Такой невестки у него, Льва Аркадьевича Замятина, никогда не будет! Свое согласие на брак он никогда не даст! И Машу Сереброву никогда не примет! Но как открыть глаза Никите, как отправить его в Лондон – подальше от цепких ручек этой… стервы? Лев Аркадьевич поджал губы – он редко употреблял столь резкие слова даже мысленно. Хотя кое-что он уже придумал. Возможно, его сын и сам скоро заторопится обратно. Или нет… кто ж его знает! В любом случае радушного приема ему ждать не стоит! Мать бы пожалел, негодник! Но с другой стороны, она скучает и устала летать в Лондон. Раньше вот Никиту в Москву не затащишь (как отрезало!), а теперь нарисовался…

– Ла-а-адно… – протяжно начал Лев Аркадьевич и плюхнулся на маленький кожаный диванчик, занимающий угол около двери. – Сбросим маски.

Никита склонил голову набок, небрежным движением убрал упавшую на глаза челку (надо постричься, надо) и с интересом посмотрел на отца. Сбросим маски? Ну, если в ход пошли такие фразы, тем лучше.

– О чем ты?

– Я знаю причину, по которой ты решил резко изменить налаженную жизнь. Мария Сереброва развелась с мужем. – Лев Аркадьевич сверлил сына взглядом, рассчитывая увидеть соответствующую реакцию на свои слова. Но Никита оставался невозмутим. – И надо полагать, ты желаешь возобновить с ней отношения.

– Да.

– Что?

– Да.

– Что?!

– Да, – в третий раз ровно ответил Никита.

– Ты испортишь себе жизнь! – подскочил Лев Аркадьевич. Спокойно сидеть он уже не мог: худшие опасения оправдались.

– Это моя жизнь.

– То же самое ты говорил тогда… когда я вытаскивал тебя из отделения милиции!

– Вот видишь, все осталось по-прежнему…

– Никита, одумайся. Это не любовь – это болезнь. Ты ей не нужен.

– Я приехал, чтобы узнать это. Последние полгода мы общались… переписывались. – Он замолчал, считая, что и так сказал много. Отношения с Машей никого не должны касаться.

– Она выбрала не тебя.

– Ошиблась, – Никита вновь улыбнулся. – Давай сменим тему. Я вернулся и пора поговорить о том, чем я буду теперь заниматься. Ты…

– Хорошо, – вдруг успокоившись, перебил Лев Аркадьевич. Подхватив с края стола папку с документами, он протянул ее Никите и добавил: – Можешь возглавить один из ресторанов. Надеюсь, твои амурные дела, – он выделил последние слова, – не помешают работе. Я очень занят и, боюсь, уделять тебе слишком много времени не смогу. Поезжай на Нагатинскую прямо сейчас. Осмотрись, познакомься с людьми.

– На Нагатинскую?

– Да.

Никита удивленно приподнял брови, но тут же изобразил на лице спокойствие. Похоже, отец затеял какую-то игру. В Москве всего три ресторана «Пино Гроз» – один главный и два поменьше, но ни один из них не находится на Нагатинской. Уж это он точно знает.

– Да, ты прав, лучше мне поехать туда прямо сейчас, – Никита встал, решительно подошел к двери, обернулся и спросил: – А кто меня встречал в Домодедове? Я имею в виду, кто та…

– Что? – Лев Аркадьевич оторвался от бумаг, в которые погрузился («Разговор закончен, мой дорогой сын»), и дернул носом. – А… – махнул он рукой. – Тебя встречал частный детектив.

Замятин-старший вновь переключился на бумаги, а Никита, сунув папку под мышку, вышел за дверь.

«Частный детектив? Она? Ё-моё!»

Глава 4

Маша с тоской следила за суетливыми движениями бывшего мужа. Когда же он уберется из ее квартиры? Когда?

– Розовый галстук… Ты не видела мой розовый галстук? – спросил Матвей, выпрямляясь и поворачиваясь в ее сторону.

– Нет.

– Странно… – протянул он, будто раньше самым любимым занятием Маши было следить за его галстуками. Особенно розовыми. – Может, он в гостиной?

– Ага, висит на люстре, – хмыкнула Маша и, отлипнув от дверного косяка, возле которого стояла, скрестив руки на груди, направилась в кухню. Достал, вот честное слово достал! И куда она смотрела, когда выходила замуж? Чем думала?

А вообще, ей простительно – всего-то девятнадцать лет. «Немножко не того выбрала… угу».

Маша высыпала в чашку ложку растворимого кофе, залила кипятком и полезла в холодильник за сливками.

– Розовый галстук ему подавай, – буркнула она, присаживаясь на трехногий табурет, купленный по случаю на мебельной выставке. – Еще бы бирюзовые трусы в белый горошек вспомнил! Придурок…

Бывший муж сейчас не только навевал вселенскую тоску, но еще и бесконечно раздражал. Он был ее неудачей и своим присутствием болезненно напоминал об этом. А когда-то, когда-то…

Наверное, разница в возрасте сыграла свою роль. Матвей Хорин в свои двадцать семь лет выглядел взрослым, умным, уверенным в себе. К тому же он был устремлен к заоблачным вершинам счастья и достатка – четко знал, чего хочет, и рассказывал об этом эмоционально и с удовольствием. Он казался особенным

во всем. Одежда – в идеальном порядке, цвета не серо-черно-синие, а сочные, заметные. Всегда побрит, коротко стриженные волосы разделены светлой полоской пробора, и даже маникюр имеется.

Его отутюженная яркая внешность казалась Маше знаком таланта. Он – творческая личность, ага. Это уж потом именно за манеру одеваться она прозвала его менеджером среднего звена.

А Матвей к «среднему звену» никакого отношения не имел. Он был владельцем небольшого спортивного магазинчика, открытого на волне везения и энтузиазма. К сорока годам он планировал расширить бизнес по максимуму («Покупать одежду, спортинвентарь, да и все остальное, будут только в моих магазинах», «Товары от Хорина – это престижно!»), но годы шли, а бизнес почему-то не расширялся.

Доход жалкая торговая точка (а как еще назвать обшарпанную стекляшку с китайским товаром?) приносила небольшой, брать кредиты Матвей боялся, обеспеченные родители Маши зятя не жаловали и осыпать его деньгами не собирались. Впереди уже не маячили золотые горы.

Маша же поднималась по служебной лестнице легко и непринужденно: где играл роль блат, где везение, а где и амурные связи – но комплексовать по поводу занимаемой должности ей уж точно не приходилось. Отдел кредитования крупного банка полностью Маше подчинялся, зарплата и положение вызывали зависть у особо вредных подруг. Как она умудрилась прожить столько лет с Мотей, Маша решительно не понимала. Последние пять лет – это же сплошная пародия на семью… Что продлило брак – привычка или ее любовные похождения? Ну да, она не святая. И что? А кто нынче святой?

Да какого черта!

Матвей в постели оказался не ахти (хотя собой гордился изрядно), и потянуло молодую жену на подвиги. Случалось, Маша позволяла себе романы, которые сглаживали неприязнь к мужу. Он же ничего не требовал, ничего не подозревал и часто даже был мил. Его уверенность в себе, когда-то вызывавшая восхищение, сменилась мягкостью и вялостью.

Тоска…

Какой толк от такого мужчины? Где напор, дерзость, страсть? Тю-тю. Ерунда какая-то. А Маше в мужчинах всегда нравились напор и дерзость – руки-ноги отнимались, воображение рисовало самые эротичные картины, а душа ныла и требовала немедленного удовлетворения всех желаний.

Как гипноз, как наркотик… Состояние невесомости, приятной, сладкой истомы.

Совесть беспробудно спала, тело откликалось на ласки умелых любовников, а Матвей привычно выполнял роль диванной подушки. Пару раз в Машиной голове мелькала мысль о разводе, но, так как замуж она все равно ни за кого не собиралась, а родители, хоть и не питали к зятю теплых чувств, были против кардинальных перемен в жизни дочери, никаких изменений не происходило. К тому же супруг отлично управлялся с домашним хозяйством.

Но однажды, в первых числах января, когда страна радовалась новогодним каникулам, воздух еще хранил аромат хвои и шампанского, а снег у подъездов пестрил конфетти, Маша возвращалась домой. Она остановилась посреди двора и посмотрела вверх – на окна квартиры. Свет горел, по шторам мелькала тень Матвея. Тень. Да, он теперь просто тень… Маша замотала головой и ужаснулась – а на фиг он ей сдался? Она уже давно выросла из него, как дети вырастают из брюк, юбок, платьев. Кто он и кто она? Не нужен, совершенно не нужен! Новый год надо начинать не так. Иначе! Хватит с нее этой дурацкой семейной жизни!

Как же сразу захотелось свободы! Маша представила мужа с чемоданом у двери, улыбнулась и чуть ли не бегом бросилась к подъезду.

Пора. Давно пора! И как же замечательно, что она вернулась с вечеринки, которую устраивала двоюродная сестра и на которую «владельца жалкой торговой точки» не пригласили, сегодня, а не завтра, как собиралась. Это особый день, особый час, особая минута!

Распахнув дверь, Маша наткнулась сначала на удивленный взгляд мужа, а уж затем на не менее удивленный взгляд высокой, широкоплечей, похожей на пловчиху очкастой девушки в нелепой вязаной сеточке на голове. Девушки? Да ей точно перевалило за тридцать!

– А у нас корпоративная вечеринка, – только и смог выдохнуть покрасневший Матвей.

– Из двух человек? – уточнила Маша.

– Да, да, – изо всех сил закивала «пловчиха», опасаясь, видимо, физической расправы.

На столе стояли бутылка шампанского, два пустых бокала, две тарелки и небольшие прозрачные мисочки с салатами («купили в ближайшем супермаркете?»). В полутьме на елке переливались разноцветные фонарики гирлянды. Он что, ей изменяет, с этой крокодилицей? Маша откинула голову назад и захохотала – громко, искренне. Он… ей… изменяет… с крокодилицей…

– Дорогие мои, – успокоившись, сказала она, – пошли вон.

Девушка подхватила сумочку и, радуясь, что осталась жива, молниеносно исчезла за дверью, а Матвей заканючил:

– Она коллега… Да разве я могу променять тебя на кассиршу! Да ты с ума сошла, какой развод?!

Но Маша была абсолютно счастлива – даже не пришлось придумывать повод для разговора – ее супруг сам во всем виноват. Вот и отлично!

Впрочем, все равно было немного обидно: неужели ему действительно могла понравится «пловчиха»? Бред, как может равняться эта страхолюдина с ней, роскошной Машей? Бред, бред, бред… И мысли уходили в другую степь.

Уж чем ее природа точно не обделила, так это внешностью. Стрижка «боб-каре» подчеркивала красоту скул и шеи, кожа всегда была чистая – прыщи и прочие неприятности никогда не «украшали» лицо, лишь три точки-родинки дорожкой бежали по правой щеке. Густые блестящие волосы достались от бабушки, пухлые губы – от мамы, а зеленые глаза – от прабабушки. Девушка-секси – без изъянов на лице и в фигуре. Мужское внимание Маша получала всегда большими порциями.

На развод она подала сразу же, и второй штамп украсил паспорт в середине марта. Родители гундели – но кто их будет слушать? Матвей просил одуматься – но кто он такой? Свобода уже текла по венам, уже приятно волновала и бодрила. Маша чувствовала себя помолодевшей на десять лет брака и ругала себя с утра до вечера, что не рассталась с тенью-супругом много лет назад. Сколько упущено!

Матвей же надеялся на примирение и уже третий раз приходил за якобы забытыми вещами. То ему потребовался фонарь (подарок покойного дедушки), то отчет о продажах («что-то кроссовки меня беспокоят»), то розовый галстук…

– Не нашел, – раздался за спиной деловитый голос Матвея. – А ты, Маша, напрасно думаешь, будто у меня с Ирой были… э-э-э… Мы Новый год отметить хотели… м-м-м… как сотрудник с сотрудником… м-м-м… как товарищ с товарищем… э-э-э… как член общества с членом общества…

Маша тяжело вздохнула – пора прекратить эти визиты.

– Про члены ты очень удачно сказал, – фыркнула она и поднялась с табурета. – Значит, так. – Она прищурилась и медленно пошла навстречу Матвею. – Чтобы больше я тебя здесь не видела. Эта квартира моя, понятно? Ты прописан у матери на Стромынке, вот и катись туда. Надоел, и нытье твое надоело тоже. И вообще я замуж выхожу! За крутого парня! За того самого, который разогнал половину гостей на нашей свадьбе! Он в отличие от тебя – настоящий мужик и умеет не только болтать языком, но и зарабатывать деньги! Он меня все эти годы любил. Ясно?! И почему я выбрала тебя? – Маша развела руками. – Не понимаю. Очень скоро я буду счастлива и наконец займу именно то место в обществе, которое давно должна была занять!

Матвей побледнел, расправил плечи, гордо вскинул голову и, возопив «Да подавись ты моим розовым галстуком!», покинул квартиру Марии Дмитриевны Серебровой – бывшей жены, которая десять лет назад категорически отказалась менять свою красивую фамилию на невыразительную Хорина.

– Наконец-то, – выдохнула Маша и подошла к окну, чтобы уж проводить Матвея навсегда. Ему больше нет места в ее жизни. – Я выйду замуж, – уверенно добавила она и уточнила: – Я выйду замуж за Никиту Замятина. Пора исправить давнюю ошибку.

* * *

Трамвай за спиной насмешливо звякнул, а одинокая береза, украшающая скромную парковку перед «рестораном», сочувственно закачала ветками.

– Н-да… – протянул Никита. Усмехнулся и зашагал к дверям нового места работы. «Поезжай на Нагатинскую прямо сейчас. Осмотрись, познакомься с людьми», – пролетела в голове фраза отца. Ну вот он и приехал. Сейчас осмотрится, а затем познакомится.

Здание оказалось одноэтажным, узким, длинным, унылым, потрепанным непогодой и временем. Никаких вывесок, окна задернуты темно-серыми шторами, желтые стены заляпаны рекламными объявлениями. Роскошная булочная восьмидесятых годов, да и только! Представить, что здесь будет располагаться одно из самых модных и стильных заведений Москвы, невозможно.

– Спасибо, папа, – пропел Никита и, шагнув под кривой козырек, нажал кнопку звонка. Прислушавшись, он уловил далекую трель и замер в ожидании. То, что звонок оказался в рабочем состоянии, уже удивляло. Провода, тянувшиеся от него по дверному косяку, напоминали веревки, тщательно пережеванные коровой.

Отцовский план для Никиты теперь не был загадкой. Его ткнули носом в трудности, надеясь, что он передумает и вернется в Лондон к привычной жизни. К жизни без особых напрягов, когда все налажено и по большей части крутится само собой. Никита не был в Москве десять лет, а за этот период очень многое изменилось. У него нет нужных связей, он не знаком с ведением бизнеса в России, и отец наверняка откажет ему в средствах. А нужно начать дело практически с нуля.

– Спасибо, папа, – повторил Никита и вновь вдавил кнопку звонка.

Замок крякнул один раз, второй, и дверь открылась сантиметров на пятнадцать.

– Ты кто? – спросил подозрительный голос, а затем раздался металлический лязг.

Никита опустил глаза вниз и на уровне своей груди увидел толстую цепочку и картофельный нос сторожа. Нос находился в состоянии постоянного непокоя, будто его обладатель пытался обнюхать гостя и по запаху определить, кто перед ним стоит.

– Никита Львович Замятин, – ответил Никита, вздыхая.

– Голубчик, а я как раз вас жду! Устал уже дежурить! – мгновенно оживился сторож и, кажется, даже подпрыгнул.

Цепочка коротко прогремела, и дверь распахнулась.

– Заходите, заходите… Я раньше экскурсоводом работал, так что позвольте сразу объясню, где у нас ванная, где туалет…

– А зовут вас как? – не сводя взгляда с маленького лысого мужичка, одетого в блестящий синий спортивный костюм, поинтересовался Никита.

– Криворогов Иннокентий Васильевич, – сторож поскреб небритую щеку костлявыми пальцами и смущенно спросил: – Или перекусим сначала? У меня стол накрыт.

– Нет, Иннокентий Васильевич, сначала экскурсия, а потом все остальное.

– Понятненько, – кивнул Криворогов, и в его узких глазках запрыгали искры радости: видимо, свою прежнюю работу он очень любил. – Значит, так… – Сделав круг по небольшому коридору, он торопливо и бодро направился в одну из комнат. Никита пошел за ним. – Раньше здесь была аптека, затем ателье, затем фабрика по пошиву верхней одежды, затем… э-э… – Иннокентий Васильевич помолчал, почесал затылок и продолжил: – Затем комиссионка, затем магазин хозяйственных товаров, а затем булочная. Народ полы перетоптал достаточно! Посмотрите направо: кусок кирпичной кладки – штукатурка, зараза, обвалилась и вот вам, пожалуйста – часть дома, неприкрытая, почти интимная. Теперь посмотрите налево: комнатенка маленькая, но с отличным видом из окна. То есть ничего не видно, потому как кустарник разросся и вширь и ввысь, что неплохо, в общем-то. Срубил бы я его, сволочь, под корень и хвойного чего-нибудь насадил. А что! Красиво и пахнет соответствующе. Идем дальше…

туалет и ванная. На фига им ванная в булочной была, я не знаю, но туалет – дело нужное, тут уж не поспоришь. А теперь сюда, пожалуйста. – Иннокентий Васильевич выдал нехитрое па, чуть «отъехал» в сторону и приглашающе указал двумя руками на следующую комнату. – Столовая! – объявил он, улыбаясь до ушей. – Во всяком случае, я здесь кушаю с утра.

Настроение Никиты от увиденного не упало и не подскочило. Вообще-то, он ожидал худшего. Но дом хоть и находился в упадке, все же был крепким. Мусора нет, только уличная грязь на полу, да глаз изредка цепляется за мебель (где тумбочка стоит, где стул, где узкий старенький шкаф), даже коврик при входе в «столовую» имеется.

– Ну как? – не утерпел Иннокентий Васильевич, тыкая пальцем в сторону накрытого стола. – Батюшка ваш распорядился, ну, я и расстарался. Только подъел немного… долго вы не ехали… смотреть и нюхать-то тяжко, – оправдался он тоном самого несчастного человека на свете.

– Замечательно, – обведя глазами заставленный одноразовыми тарелками стол, ответил Никита. Он с утра ничего не ел, и аппетитный вид нарезанной колбасы, маринованных огурцов, хлеба, соленой рыбы, пирога и прочей снеди вызвал резкое слюноотделение. А бутылка водки, стыдливо задвинутая за картонную коробку с куриными крылышками, вызвала немедленное желание сесть за стол и заесть-запить сегодняшний день как можно скорее.

– А водка? – спросил Никита с иронией. – Тоже батюшка распорядился?

– Нет, я сам, – гордо выпятил грудь Иннокентий Васильевич. – Грех же такой закуске пропадать… и вообще!

Это расплывчатое «вообще» легло на душу теплым облаком. Никита подошел к столу, взял кусок колбасы, пупырчатый огурчик и, предвкушая неземной вкус, отправил и то и другое в рот. Жуя, произнес:

– Наливайте, Иннокентий Васильевич, выпьем за здоровье моего батюшки.

– Вы только не говорите ему, что посуда одноразовая, – засуетился сторож, не сдерживая широкой улыбки, – не любит он этого, велел, чтоб все по первому разряду было. Ну а зачем деньги-то на ветер бросать? Лучше уж по-простому,

да?

– Гораздо лучше, – согласился Никита, вспоминая, приходилось ли ему есть из одноразовой посуды. Большие белые тарелки «Пино Гроз» с тонкими черными полосками по краю совсем не были похожи на цветастые картонки, занимавшие большую часть стола. Но это ничуть не беспокоило и не огорчало, наоборот, казалось, именно этой простоты не хватало долгие годы. Никита придвинул стул, сел и еще раз обвел взглядом комнату. Здесь будет ресторан. Стильный. Лучший. Наперекор всему будет.

– Рассказывайте, Иннокентий Васильевич, – потребовал Никита, с удовольствием отправляя на бородинский хлеб тонкую полоску бекона.

– А что рассказывать-то? – протягивая стаканчик с водкой, спросил разомлевший сторож.

– Где работаете, кем работаете и о чем еще вас просил мой отец?

– А-а-а, ну это пожалуйста. – Иннокентий Васильевич дзынькнул стаканчиком о стаканчик Никиты, залпом выпил, подпер щеку кулаком, сунул в рот ветку укропа и неторопливо принялся делиться подробностями своего житья-бытья.

Лет десять он проработал сборщиком мебели, затем переквалифицировался в страхового агента, затем действительно был экскурсоводом – на кладбище: показывал туристам могилы знаменитостей, затем «выбрал должность посолиднее» и обосновался в «Пино Гроз» в качестве посудомойщика. «Козырное место – голубая униформа и еда буржуйская». А со Львом Аркадьевичем познакомился совершенно случайно «в служебке» между первым и вторым этажами.

– Я тогда только две недели отработал, батюшку вашего в глаза не видел. Гляжу, стоит рыжий лопоухий мужик и смотрит на меня, а я в креслице уселся и, значит, обедаю – греческий салат употребляю с говяжьим стейком, ну, мяса кусок по-нашему, по-нормальному. Повар, зануда такая, все зудел, мол, стейки эти – исключительно из мяса молодых бычков, которые паслись на лугах около озера… блин, забыл, около какого озера они паслись!.. Ладно, не важно. И воду бычки чистую пили, и траву сочную жевали, и мясо от этого нежное и особенно вкусное, а я, мол, ем неправильно – тороплюсь и большие куски заглатываю, а

нужно не так, нужно с ножиком. Э! Не о том! Так вот, гляжу, стоит рыжий мужик и на меня смотрит. Ну, я и спрашиваю: хочешь, мол, тоже салата и стейка?.. А он как заржет! Так наше знакомство и состоялось. Батюшка ваш меня с кухни убрал и к себе в помощники определил. Теперь кручусь по мелким и крупным поручениям. Вот вас встретить обязал.

Никита торопливо умял второй бутерброд и усмехнулся – его предположения оправдались, расклад более чем ясен. Лев Аркадьевич Замятин приобрел эту халупу и устроил шоу с Иннокентием Васильевичем и хлебосольным ужином только ради того, чтобы указать непослушному сыну на его место. Возвращайся-ка ты, мальчик, в Лондон к прежней жизни, здесь тебе ловить нечего, здесь ты будешь один – без всякой помощи, здесь слишком много трудностей, с которыми ты не справишься. А если и справишься, то вряд ли сможешь расправить плечи, сможешь поддержать уровень «Пино Гроз». Москва стала другой, связей – ноль… Ужин по первому разряду – лишь издевка.

– Так вы на самолет когда? Ну, обратно-то… – вклинился в мысли Никиты Иннокентий Васильевич.

– Вопрос, как я понимаю, принадлежит моему отцу?

– Да, ваш батюшка попросил узнать. И что ему передать?

Никита поморщился, убрал со лба надоевшую длинную челку, разлил водку по стаканам и с улыбкой ответил:

– Передай ему, что я вернулся. Навсегда.

В комнате воцарилась короткая звенящая тишина, которую нарушил Иннокентий Васильевич. Подавшись вперед, он тихо, будто разговор могли подслушать недруги, прошептал:

– Это вы правильно, нечего за границей штаны протирать, я вас, Никита Львович, очень поддерживаю.

Никита еще раз улыбнулся («по крайней мере, одного союзника я уже нашел») и, отломив кусок от пирога, спросил:

– А парикмахерская поблизости есть?

«Что ж, отец, принимаю правила твоей игры. В Москве появится еще один ресторан «Пино Гроз», и никто никогда не скажет, что он хуже остальных».

Это самое трудное – не уронить планку. Никита мог разозлиться на отца, хлопнуть дверью и на собственные средства открыть ресторан с другим названием. Был бы у него собственный бизнес, и не зависел бы он ни от кого. Но он – Замятин, единственный сын известного ресторатора, и ответственность с себя он снимать не будет, да и не по-мужски отступать перед трудностями. «Пино Гроз» давно является весомой частью и его жизни, а значит…

– Парикмахерских у нас навалом! – бодро ответил Иннокентий Васильевич, наклонился под стол и неизвестно из каких закромов достал белую карточку. – Вот, это ваш батюшка просил передать… ну, если вы остаетесь.

Никита взял карточку, которая оказалась пригласительным билетом на открытие Школы виски, и кивнул. Понятно, это первая и последняя помощь отца. Презентации, вечера, фуршеты – хорошая возможность завести нужные знакомства, – а дальше придется крутиться самому.

– За успех и победу! – прищурившись, произнес тост Никита.

– Ага, – поддержал Иннокентий Васильевич.

* * *

Нет, не выйдет она замуж. Никита в Лондоне, а она в Москве. Маша сморщила нос, посмотрела на часы, пощелкала кнопками телевизионного пульта, оставила музыкальный канал и плюхнулась в кресло. Какая же она была дура в девятнадцать лет! Какая же дура!

Ей всегда нравились решительные мужчины. А еще собранные, лощеные, чуть холодные – похожие на актеров-моделей из рекламы геля для бритья или из рекламы мобильных телефонов. Матвей был именно таким – подружки ахали. А Никита… мало того, что он слишком уж рьяно за ней ухаживал, мало того, что в двадцать лет выглядел как шпана, так он еще и совершал поступки, которые в

принципе не могли нравиться нормальной девушке. А она именно нормальная!

Ну кто захочет тащиться в субботу в семь утра на вокзал, чтобы уехать черт-те куда только ради завтрака на природе? Пусть даже и вкусного завтрака с пышными булочками, блинчиками, медом и вареньем. Глупо. Он старался, но ей-то хотелось поспать. Он заводной, а она немного ленива.

Или лошадь. Однажды он приехал на лошади к стенам ее института. Однокурсницы визжали от восторга. Первые пять минут Маша гордо оглядывалась по сторонам («Да, это мой поклонник, замучил уже своей любовью»), но потом гнедая лошадка сделала свое черное дело – наложила огромную кучу рядом с любимой клумбой декана факультета экономики. И этот самый декан, распахнув окно, тут же заставил Никиту убирать «конячье дерьмо» (именно так выразился многоуважаемый доктор экономических наук). И Машин рыцарь спрыгнул на землю, раздобыл у уборщицы нехитрый инвентарь и принялся сгребать бурую кучу картонкой на совок. Лошадь ржала, однокурсницы визжали, а Маше ничего не оставалось, как только морщить нос и вздыхать – в таких представлениях она участвовать не собиралась.

Или взять знакомство с ее родителями. Никита ел, пил, играл на гитаре, танцевал твист с ее подагрической бабушкой Ириной Станиславовной, спрашивал у главы семьи, сколько тот хочет внуков, и обсуждал с маман животрепещущую тему: должен ли муж присутствовать при родах. Никита обязательно собирался присутствовать и планировал это делать не менее пяти раз. Странно, но и родителям, и бабушке он понравился.

Хотя целовался он отлично. Сначала нежно, а потом… Ух! Маша улыбнулась, выключила телевизор и посмотрела на компьютер. Интересно, Никита уже ответил на ее последнее письмо? М-м-м… разве тогда, десять лет назад, можно было предположить, что он возглавит ресторан «Пино Гроз» в Лондоне? Что Лев Аркадьевич Замятин станет важной персоной в ресторанном бизнесе? Вернее, настолько важной. Раньше все было попроще.

Маша включила компьютер и, побарабанив акриловыми розовыми ногтями по краю клавиатуры, с улыбкой вспомнила, как возобновились ее отношения с Никитой. Осенью она написала ему письмо. Сама. Просто так. Случайно встретилась со старым знакомым на дне рождения бывшего однокурсника, разговорилась – то да се, и беседа сама собой вырулила на далекую дурную молодость. «О, а ты с ним общаешься?» – «Еще как! Созваниваемся редко, но

почтой…»

Написалось первое письмо легко, и жгло любопытство: ответит или нет, какой он сейчас?

Он ответил.

Сначала переписка была натянутой – раз в неделю ни о чем. А затем пошло-поехало. Будто ей опять девятнадцать, ему – двадцать один, их не разделяет расстояние, и нет никакого Матвея Хорина. Никита даже звал ее в гости в Лондон, спрашивал, хотела бы она уехать из России? Нет, она не хотела бы – здесь семья и работа, здесь она профессионал, личность, а там кем будет? В гости – да, наверное, летом, а насовсем – нет. И он отвечал: ну и правильно! Дома всегда лучше.

Переписка была о многом и ни о чем, с примесью романтики, но ничего конкретного. Чем дальше, тем сильнее затягивал водоворот прошлого. Иногда казалось, будь он неподалеку, тогда бы… Уж она бы сделала правильный выбор.

Никита на фотографиях выглядел… возбуждающе. Необычно. Видимо, Англия наложила свой отпечаток. Джентльменом, конечно, не назовешь, но даже в вечных джинсах и рубашках навыпуск он смотрелся отменно. Наследник империи «Пино Гроз». Кто ж знал, кто ж знал…

Маша открыла почтовый ящик и поджала губы – писем нет. Почему? Не может он быть настолько занят, чтобы не ответить на ее вчерашнее письмо! Ну почему между ними огромное расстояние? Ей сейчас не хватает именно его. Высокого, плечистого, успешного.

– Хочу замуж, – вздохнула Маша, представляя себя в свадебном платье, украшенном серебристой вышивкой, в загсе, в окружении подруг и родственников. «Да, судьбу изменить нельзя, годы – ерунда по сравнению с настоящим чувством», – так она будет всем говорить. Впрочем, какой загс? Никита организует церемонию в загородном особняке – ей понравилось выходить замуж на природе.

Маша кивнула, слегка раздраженно отодвинула мышку и вновь постучала ногтями по клавиатуре. Клац-клац-клац… Несложно было расстаться с Матвеем,

когда другой мужчина – далекий и уверенный в себе – волновал душу и всячески поддерживал словами. И звонил. Редко, но звонил. Веселил, утешал, интересовался ее жизнью. Никита, Никита… Но переписка все же была привычнее.

– Хочу замуж, – повторила Маша, закинув руки за голову и взбив волосы. – Хочу замуж.

От перелива дверного звонка она вздрогнула – кого еще принесло? Если это Матвей опять явился за своими носками, галстуками, зубной щеткой или тапочками, то она его просто убьет. Медленно и с наслаждением убьет!

Маша распахнула дверь и не поверила собственным глазам.

Никита…

Никита?..

Никита!

Он, он, он, он! Здесь. В Москве! Да что в Москве! Прямо перед ней!

– Ты… – выдохнула она, прижимая ладонь к груди. – Ты…

– Надеюсь, сюрприз приятный? – лукаво улыбнувшись, спросил Никита и перешагнул порог квартиры.

Только сейчас Маша обратила внимание на белые розы, которые Никита держал в руке бутонами вниз – небрежно, как веник.

– Приятный… – опять выдохнула она и, не сдерживая эмоции, подпрыгнула и повисла на его шее. – Ты-ы-ы-ы!

Глава 5

Апрель обещал быть суетливым. Деловые встречи, выставки, презентации, а также всевозможные мероприятия, связанные с приездом в Москву Ивона Перро – известного французского винодела, владельца обширных виноградников, элитного ресторана, первоклассной школы поваров и много чего другого, – занимали практически все пятницы, субботы и воскресенья. Что-то можно переложить на подчиненных, но основная доля «пустой и шумной траты времени» все же ляжет на ее плечи. Вот и сегодняшний день нельзя назвать выходным – нужно собираться и ехать на открытие Школы виски.

Ольга расчесала волосы, привычно стянула их в низкий хвост. Помедлив пару секунд, выбрала одну из «парадных» заколок и замерла, прокручивая в голове сценарий предстоящего вечера. На открытии будет посол Великобритании, значит, ожидается монотонная речь минут на пятнадцать, затем выступят организаторы проекта, затем покажут фильм об истории виски, затем – дегустация, затем – выступление джазовой певицы, а затем разброд и шатание – та самая пустая болтовня, которую она не любит. Но ничего не поделаешь: ее работа – это в том числе посещение светских мероприятий, связанных с миром алкоголя. Процентов семьдесят присутствующих будут ей знакомы. Пожалуй, если удастся поговорить с Антоном Курихиным, одним из ведущих российских сомелье, то суббота не пропадет совсем уж зря.

– Прошу тебя, только не эту заколку!

Оля обернулась и посмотрела на сестру. Катюшка лежала на животе на диване, подперев щеку левой рукой и болтая ногами. Взгляд скользил по страницам книги, на лице блуждающая улыбка.

– Ты же не видела, какую я взяла.

– Они все ужасные, – дернула плечиком Катюшка. – Я вообще не понимаю, зачем они тебе нужны. Распусти волосы хоть раз в жизни, они же у тебя красивые!

– Тебя не спрашивают, – отрезала Оля и щелкнула замком заколки. Младшая сестра явно мается от безделья, а с тех пор, как Полина вышла замуж и переехала к Андрею, скучает и старается подражать старшей сестре. Да, Полина для Кати – бесспорный кумир: яркая, красивая и свободная. То одно выкинет, то другое… «Пример» для молодежи. Раньше они вдвоем частенько называли ее занудой, а теперь Катюшка пилит ее в одиночестве.

– Я вернусь часов в одиннадцать… или в десять…

– Или в девять, или в восемь. Неужели тебе не хочется повеселиться? Отвлечься? А давай тебя нарядим и…

– Нет, – строго перебила Ольга. – Ты не понимаешь. Это работа.

– А можно я пойду с тобой? – Катя отодвинула книгу, села и состроила жалостливую гримасу: «О, возьми меня, возьми меня с собой!»

– Нет.

– Ну и ладно, – вздохнула Катюшка и критически осмотрела сестру с головы до ног.

– Лучше ничего не говори, – предупредительно сказала Ольга, заранее зная, что сейчас услышит: а вот Полина, а вот у Полины, а давай, как Полина…

– Не буду, – фыркнула Катюшка и, подхватив книгу, демонстративно вышла из комнаты.

Оля повернулась к трюмо и провела ладонями по гладкой макушке, будто хотя бы один торчащий волосок мог испортить всю картину.

– Глупости, – буркнула она, вспоминая слова Кати, и повторила: – Это работа.

Большим плюсом было именно то, что на открытие Школы виски можно пойти в деловом костюме. Куда хуже, когда приходится надевать вечернее платье и изображать светскую даму. В костюме удобнее, спокойнее, привычнее. Оля поправила воротник блузки, поднялась со стула, застегнула приталенный пиджак на все пуговицы, подошла к шкафу, отодвинула дверцу и, встав на цыпочки, взяла с верхней полки компактную черную сумочку. Бросила взгляд сначала на настенные часы, затем на окно. Обещали дождь, но погода, видимо, с таким прогнозом не согласна – с утра день теплый и сухой.

«Послушаю немного, пообщаюсь и уеду. А на дегустацию оставаться не стоит, виски я не люблю…»

Она заглянула в кабинет отца, предупредила, что вернется часов в десять, и заспешила к двери – мероприятие начнется не раньше половины шестого, но раз в приглашении написано «Начало в 17–00», значит, именно к этому времени она должна добраться до места. Никаких опозданий!

«Послушаю немного, пообщаюсь и уеду».

Просторная студия была оформлена в песочно-желто-коричневых тонах. Организаторам удалось совместить сдержанность с легкостью, строгость с мягкостью – и «театр виски» получился приятным во всех отношениях. Белый экран висел не банальным прямоугольным полотном, а представлял собой широкую ленту, которая занимала левую стену зала и преломлялась в углу. Столики, напоминающие школьные парты, стояли ближе к сцене идеально ровными рядами. Они были пусты, но Ольга по опыту знала, что, когда начнутся занятия и светская публика возьмется изучать богатую жизнь виски, на них появятся бокалы, блокноты и ручки, на экране замелькают картинки, а эксперты по алкоголю будут проводить мастер-классы и делиться секретами. Обучение продлится месяц, а затем Школа закроет свои двери до осени. Так работают престижные курсы для желающих больше узнать и имеющих возможность за это заплатить.

Соседняя студия представляла собой диванную зону – после официальной части здесь начнутся дегустация и общение.

Многих присутствующих Оля знала, поэтому полчаса только здоровалась, обменивалась любезностями и на вечный вопрос «Как дела у Петра Петровича, почему же он не пришел?» отвечала одно и то же: «Спасибо, у него все в порядке, увы, он очень занят». Он действительно был очень занятым человеком и тяготы светской жизни давно переложил на нее – самую ответственную из трех дочерей.

Как Ольга и думала, официальная часть началась в половине шестого. Заняв одну из крайних «парт», она рассеянно прослушала приветственную речь эксперта из Шотландии, затем – короткое поздравление посла Великобритании, а затем на сцену вышел Антон Курихин и с шутками и прибаутками стал

рассказывать о предстоящем обучении. Оля вспомнила, как он вел занятия в Школе сомелье, которую она окончила, и коротко улыбнулась. Курихин хоть и старается производить впечатление балагура, но на самом деле серьезный, умный и талантливый человек.

– …и безусловно, мы научим вас наслаждаться виски!

«Меня вряд ли», – скептически подумала Оля и отвлеклась от оратора, потому что за спиной раздался щелчок открывающихся дверей, и в полутемный зал проникла полоска света. Опоздавшие! Почему всегда находятся люди, которые не в состоянии прийти вовремя? Как же надоела полнейшая неорганизованность окружающих! Она обернулась, желая испепелить взглядом того, кто позабыл элементарные правила приличия, и потеряла не только дар речи, но и способность двигаться. Тело предательски онемело, а между тем нужно было срочно вновь повернуться к сцене.

– Гурманы всех стран, объединяйтесь! – выпалил Антон Курихин, и Ольга, вздрогнув, резко повернулась.

Полоска света исчезла, круглые лампочки, расположенные по периметру потолка, погасли, зал потемнел, и тут же на экране появилось изображение – яркой лентой потянулись леса и горы Шотландии.

Сердце Ольги колотилось как бешеное, сосредоточить взгляд на предложенном фильме она не могла, мысли путались и скакали совсем в другом направлении… Столики-парты предназначены для одного человека, но это на период обучения, сейчас приглашенные сидят по двое. Место рядом с ней свободно. В зале осталось всего пара-тройка столиков, за которыми свободно одно место, и вероятность того, что через несколько секунд рядом с ней кто-нибудь сядет, очень велика. Огромна!

Но кто будет этот человек?

Опоздавших двое. Никита Замятин и… Константин Белкин.

– Мой бывший муж, – прошептала Ольга и зажмурилась.

И тот и другой стали бы абсолютным кошмаром.

– Можно? – раздался за спиной знакомый голос.

* * *

Расположившись с газетой за кухонным столом и попивая чай с медом, Петр Петрович, прислушиваясь к звукам из гостиной, размышлял о том, чем сейчас занята старшая дочь, и беспокоился о средней – не слишком ли она загружена работой? Катюшка явно смотрела сериал – до ушей долетала романтическая музыка и изредка слышались возбужденные голоса героев («Сделала бы звук потише или хотя бы дверь закрыла. И нечего смотреть эту ерунду!»). Полина наверняка с Андреем – чем они там занимаются?.. Кхм… Известно чем! Кхм… Ольга уехала на открытие Школы виски. И в субботу она занята – безобразие. Но с другой стороны, он ее прекрасно понимает, он и сам такой же.

Петр Петрович бросил на стол сложенную газету, потянулся к телефону и набрал номер друга Лёвы. Как он там? Как Никита? Егор сказал, что встретил его в аэропорту и доставил к «Пино Гроз», но это еще полдела. Принял ли мальчик правильное решение? Вернется он в Лондон или останется в Москве?

– Все плохо, – с грустью признался Замятин, отвечая на многочисленные вопросы разом. – Мой оболтус остается. Уперся и слушать ничего не желает. Я ему дал понять, что на мою поддержку рассчитывать не стоит и что здесь будет непросто, но он, кажется, не слишком-то испугался. Видимо, Мария Сереброва держит его крепко.

– Нда-а, – сочувственно протянул Петр Петрович. – Надежды никакой?

– Никакой… наверное. Условий создавать я ему не стану, если такой умный, пусть сам выкарабкивается. – Лев Аркадьевич вкратце рассказал историю о покупке дома-развалюхи и о своем уже наполовину провалившемся плане. Никита не «пустился в обратное плавание» и даже не возмутился хорошенько (увы, увы); он сделал вид, будто ничего не случилось и полученный кусок бизнеса («по полу которого мыши бегают») вполне приличен, чем существенно испортил отцу настроение. – Приехал вечером, сказал: «Спасибо, папа» – и сел чай с тортом трескать. Мать, конечно, над ним ахает и охает и меня ругает, но я

считаю, что за девушками в восемнадцать лет бегать нужно, а не в тридцать два. Я, если честно, – Замятин стал говорить тише, – денег ей предложить хочу. Может, отстанет от него, а?

– Кому? – не понял Петр Петрович.

– Да Маше этой, кому же еще!

– Если тебя интересует мое мнение, – Шурыгин выдержал паузу, не сомневаясь, что друг, озвучив идею, покраснел до кончиков ногтей, – не отстанет. Ты лучше за ней пригляди.

– Каким образом? – тяжело вздохнул Лев Аркадьевич.

– Я Егора попрошу. Мало ли что – лучше знать наперед.

– А я и не подумал. Ты, конечно, прав!

– А то! – самодовольно ответил Петр Петрович. Уж Егор-то за его дочерьми частенько приглядывает, да если бы не он, неизвестно, чем бы закончился брак Полины и Андрея. А впрочем, нечего нахваливать Кречетова – тот еще фрукт! Если бы не его ум и способности, в жизни бы с ним не связался. Наглый, самоуверенный тип!

– А это удобно? Я, признаться, с частными детективами никогда дела не имел и не знаю, как они работают.

– Об этом не беспокойся, – успокоил Петр Петрович, – я поговорю с Егором, уверен, он не откажет.

– Слушай, а может, приедешь ко мне, а? На ужин. Например, завтра. С девочками. Чего откладывать? Давно же не виделись. Катюшка небось вымахала!

– Выросла, конечно, – мягко ответил Петр Петрович и, вздохнув, добавил: – Но для меня все равно маленькая.

– Вот и приезжайте, вот и поговорим, – затараторил Лев Аркадьевич, откровенно обрадовавшись. – У тебя работа, у меня работа – раз в сто лет созваниваемся, а видимся и того реже. Ну, договорились?

Петр Петрович улыбнулся, кивнул и ответил:

– Да.

Действительно заработался, а ведь раньше бывало… Эх. Завтра он обязательно поедет к Замятиным. С Катюшкой и Олей поедет. И еще нужно позвонить Егору, пусть приглядит за Никитой и Марией Серебровой, а там, глядишь, и проблема отпадет сама собой.

Глава 6

И все-таки она вздохнула с облегчением, когда услышала голос Никиты – меньшее из двух зол. Нет, против него она ничего не имеет, но сейчас не готова отвечать на его вопросы, да и вообще не готова ко второй встрече с ним. Что он здесь делает?

– Да, можно, – ответила она, выпрямляя спину. Смысла вжимать голову в плечи, отворачиваться, надевать на голову целлофановый пакет нет, он все равно ее узнает.

Никита сел на стул (тот жалобно скрипнул) и бросил взгляд на соседку. Официальная часть мероприятия его волновала мало, и он с чистой совестью приехал поближе к дегустации. Связи, связи – вот его истинный интерес, ну и виски, конечно.

Каштановые волосы собраны в хвост, большие карие глаза… Она встречала его в аэропорту. Оля.

Если бы Никита в данный момент что-нибудь пил, то он бы наверняка поперхнулся.

– Привет, – бросил он, пряча искреннее изумление за улыбку. Что она здесь делает?!

– Добрый вечер.

«Вот уж не знал, что частные детективы посещают курсы, на которых учат нюхать и пить алкоголь».

– Какими судьбами? – поинтересовался он.

– По долгу службы.

– Я так и подумал.

– Тише, – одернули их сзади.

– Извините, – ответила Ольга и бросила на Никиту строгий взгляд: «Не мешайте!»

Он развел руками, насколько это было можно в тесноте, и повернул голову к экрану. Она тоже сосредоточилась на бокалах и бутылках, пытаясь успокоиться. Но получалось не очень хорошо. Мысли скакали то к Никите, то к бывшему мужу, очень хотелось обернуться (далеко ли сел Костя?), а больше хотелось встать и уйти! Давно она не сталкивалась с таким нервным перенапряжением, в душе царила настоящая паника. И это «счастье» она устроила себе сама, когда зачем-то поехала в Домодедово встречать младшего Замятина. И теперь он сидит рядом и наверняка задается вопросами.

«Ничего не случилось, я просто растерялась. Это нормально, я же не ожидала увидеть сразу и Никиту, и Костю. Я вообще не ожидала увидеть ни того ни другого, я просто растерялась. Ничего не случилось», – самовнушение помогло. Оля покосилась на «соседа по парте» и коротко бесшумно вздохнула. Это же Никита – знакомый из детства. И что? Да, он не подозревает, кто она, – и ладно, какая разница? Это даже хорошо. Пусть все остается, как есть.

А Никита задавал себе вопросы. И еще он еле сдерживал смех. Он сидит за столиком с женщиной – частным детективом, которая довезла его от аэропорта

до ресторана как посылку. Отец срочно желал его видеть и выбрал, по-видимому, лучшую из лучших! Никита сжал губы. Нет, он не будет смеяться, конечно, не будет… Во всяком случае, не сейчас.

– Отличная заколка, – тихо начал он «непринужденную беседу».

– Спасибо, – прошептала в ответ Оля, покраснев. Надо было послушать Катю.

– Любишь виски?

– Нет.

– А я люблю.

– На здоровье.

– Я рад, что встретил тебя здесь.

– Мы на вы.

– Глупости.

– Я настаиваю.

– Не буду тебе мешать делать это.

Оля нахмурилась.

– Вы меня отвлекаете, – тихо, но твердо ответила она.

– Ты же все равно не любишь виски, – он кивнул на экран.

– Зато я люблю свою работу.

– Ах да.

Оля прикусила губу. Кажется, она сказала лишнее: ему вовсе необязательно знать, кем она работает. А что означает его «Ах да»?

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/yuliya-klimova/oboltus-dlya-biznes-ledi

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить